

Амир Хисамутдинов
Русский историк в Америке

Amir Khisamutdinov
Russian historian in America

АМИР ХИСАМУТДИНОВ

РУССКИЙ ИСТОРИК В АМЕРИКЕ

Издательство Дальневосточного университета
Владивосток
2017

УДК 910
ББК 26.89(7)
P89

Хисамутдинов, Амир Александрович:

P89 Русский историк в Америке = A Russian historian in America: [Электронный ресурс] : травелог / А.А. Хисамутдинов. Электрон. дан. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2017. 75 с.: ил. Режим доступа: <https://evols.library.manoa.hawaii.edu>. — Загл. с экр.

ISBN XXXXXXXXXXXX

Русский историк в Америке

Данный травелог рассказывает о поездке автора на арендованном автомобиле из Нью-Йорка до Сан-Франциско через северные штаты. Во время этого путешествия автор знакомился с материалами по истории русских американцев. Полевые исследования также помогли собрать информацию об американской культуре. В дальнейшем результаты поездки послужили источником для написания нескольких монографий и научных статей. Травелог написан простым языком, а некоторые факты могут быть полезны туристам, путешествующим по США.

Ключевые слова: Русский травелог, русские американцы, русские архивы в США, на автомашине по США, русские в Сиэтле и Сан-Франциско.

Обложка: Фото А.А. Хисамутдинова, оформление Ю.К. Красновой.

УДК 910
ББК 26.89(7)

ISBN XXXXXXXXXXXX

© Автор: Хисамутдинов А.А.
© Художественное оформление: Краснова Ю.К.
© Издательство Дальневосточного университета

AMIR A. KHISAMUTDINOV

RUSSIAN HISTORIAN IN AMERICA

ОГЛАВЛЕНИЕ

Amir A. Khisamutdinov:

Russian historian in America

This travelogue tells about the author's journey in a rented car from New York to San Francisco through the northern states. During this journey the author became acquainted with materials on the history of Russian Americans. These field studies also helped to collect information on American culture. In the future results of the trip served as a source for writing several books and scientific articles. This travelogue is easy to read, and some facts might be useful for tourists traveling to the USA.

Keywords: Russian travelogue, Russian Americans, Russian archives in the US, By automobile across the US, Minnesota, Russians in Seattle and San Francisco.

Глава I. Как твоя жизнь, Егорка?	10
Глава II. Вашингтон.....	14
Глава III. Нью-Йорк – Чикаго.....	24
Глава IV. Миннеаполис – Биллингс.....	36
Глава V. Сиэтл – Портленд.....	46
Глава VI. Сан-Франциско.....	58

Травелог

Октябрь 1995 — январь 1996 гг.

Предисловие

Многие думают, что кабинетные историки далеки от полевых исследований, но это не так, особенно, если речь идет об изучении жизни русских за рубежом. Чтобы восстановить навсегда исчезнувшее прошлое, документов мало — нужно проникнуться изучаемой эпохой. Это позволяет найти нужные идеи и слова, чтобы ее описать. Одним словом можно проникнуться изучаемой эпохой. В прямом смысле почувствовать ее на кончике языка.

В течение одного поколения русские первопроходцы пересекли огромное пространство от Урала до Тихого океана.

Инициативные и энергичные, невзирая на трудности, русские смогли быстро освоить территории Сибири и российского Дальнего Востока. Чуть позже белые паруса русских шлюпов и корветов стали бороздить безбрежный Тихий океан. Пройдет немного времени, и в далекие страны отправятся их потомки. Волна за волной... Поэтому не удивительно, что у автора возникла идея изучить жизнь русских американцев и пересечь Америку с одного побережья до другого.

Разумеется, нельзя было и думать, чтобы совершить эту поездку за свой счет. К счастью, новые времена в Рос-

сии совпали с интересом США к нашей стране. Тогда немало научных фондов предлагали средства для исследований в Америке. В начале автору предложили прочитать курс лекций в Гавайском университете. Тогда и появилась первая возможность познакомиться с документами и литературой о русских в Тихом океане.

И новая удача — научный фонд IREX (International Research & Exchanges Board) согласился с идеей изучить тему «Русская эмиграция в Китай, Корею, Японию и Калифорнию» и выделил грант (Individual Advanced Research grant for foreign scholars), по которому предстояло провести исследования с 27 августа 1993 г. по 27 апреля 1994 г. В начале предстояла встреча с представителями фонда в Нью-Йорке, а затем отправление почти на другую сторону земли — на Гавайские острова, где и предполагалось провести основные исследования. Издавна Гавайский университет (Univ. of Hawaii) считается научным центром по изучению данной темы.

Разумеется, в Нью-Йорке хотелось поработать в Бахметьевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры (Колумбийский университет), имеющем немало документов по тихоокеанской истории России.

Большое значение для изучения истории русского зарубежья имеют частные архивы, но работа в них крайне затруднена, так как большинство архиводержателей неохотно допускают к ним исследователей. До недавнего времени в русской эмиграции существовало мнение, что ни в коем случае не следует открывать архивы русской эмиграции лицам, приехавшим из СССР (России). Неоднократно доводилось слышать, что лучше уничтожить домашний

архив, чем позволить перевезти его в Россию. Другой проблемой является то, что потомки деятелей русской диаспоры, полностью ассимилировавшись и утратив русский язык, порой просто не догадывались, какую культурную ценность представляют бумаги предков, и уничтожили их. Только к началу 90-х гг. XX в., когда повсеместно возник интерес к историческому опыту русской эмиграции, совпавший с массовым увлечением американцев составлением семейной генеалогии, появилась реальная возможность познакомиться с частными собраниями.

Поэтому и было решено взять в аренду автомобиль и проехать по северным штатам. По пути постараться познакомиться с историческими документами, изучить страну изнутри и понять, почему соотечественники выбрали ее для постоянного жительства.

За время той поездки удалось познакомиться с огромным числом источников о русской эмиграции на Тихом океане, получив сведения от несколько десятков информаторов, как деятелей русских общин изучаемого периода, так и их потомков. В основном материалы собирались в ходе интервью или анкетирования по плану, специально разработанном автором, а также путем просмотра домашних архивных коллекций. А сколько появилось новых друзей!

Полевые исследования в Сиэтле позволили собрать уникальный материал о нынешнем дне выходцев из России, но и воспоминания представителей старшего поколения, помнивших бегство из России и жизнь в Китае.

Подавляющее большинство документов, на основе которых проводились исследования, найдены в Гуверовском архиве, который располагает одной из наиболее полных

коллекций по истории России и деятельности российской эмиграции. Вначале она размещалась при библиотеке Института изучения русской революции в Стэнфордском университете. Вокруг Гуверовского института образовался кружок русских американцев, занимавшихся историей и в основном приехавших из Китая. Они не только помогали собирать материалы, но и готовили к публикации серию мемуаров о Гражданской войне и большевизме. С одной стороны, они стремились сохранить ценные документы, а с другой, использовали возможность заработать на жизнь. Сотрудники архива с пониманием относятся к исследователям и всячески им помогают в поисках материалов. Мне, в частности, большую поддержку оказал архивист Гуверовского института Рональд Булатов.

Уникальной коллекцией документов по русской эмиграции в Азиатско-тихоокеанском регионе обладает Музей-архив русской культуры в Сан-Франциско. Его руководители Б.Г. Браунс, Ю.Г. Тарала и М.Н. Иваницкий, с которыми довелось встречаться в разные годы во время поездок в США, также поддерживали исследования русских диаспор в регионе. Ныне же бескорыстную помощь в поисках документов оказывает сотрудник Музея Ив Франкьен.

Знакомство с уроженкой Ленинграда Вероникой Аренс-Пулавски, владелицей книжного магазина «Глобус» в Сан-Франциско, дало возможность получить ряд ценных сведений и узнать адреса некоторых русских, приехавших в США из Китая. Аренс-Пулавски разрешила просмотреть и архив одноименного издательства, выпустившего ряд книг о русском Китае и закрытого после смерти его владельца В. Азара.

В Беркли автор встретился с Н.В. Рязановским, который рассказал о своем отце — В.А. Рязановском — известном профессоре юриспруденции в Харбине и Тяньцзине.

Официальных и полуофициальных встреч с единомышленниками было немало. Увы, историки — это «сапожники без сапог», они редко пишут воспоминания. Может быть, автору еще удастся рассказать о том, с какими известными людьми ему посчастливилось встречаться на многочисленных научных форумах. Пока же было решено кратко рассказать о давней поездке через всю Америку. К сожалению, в травелог вошли не все впечатления, но хочется надеяться, что еще будет возможность более полно рассказать обо всем.

Автор приносит самую искреннюю благодарность русскому библиографу Гавайского университета Патриции Полански (Patricia Polansky), которая помогла не только осуществить поездку, но и поддержала впоследствии исследования автора о русских на Тихом океане. Также признателен Юлии Красновой за помощь в подготовке травелога (рассказа о поездке в виде путеводных очерков) к изданию.

Хисамутдинов, Амир Александрович — доктор исторических наук, профессор Дальневосточного федерального университета, Владивосток. Email: khisamut@yahoo.com.

Глава I

Как твоя жизнь, Егорка?

Мое место в самолете авиакомпании «Дельта», выполнявшем рейс Москва — Франкфурт-на-Майне — Вашингтон, оказалось рядом с американкой средних лет. Поначалу я не обратил на нее никакого внимания и по старой бродяжьей привычке коренного дальневосточника использовать любую свободную минуту для отдыха, закрыл глаза и погружился в мысли о предстоящем путешествии. Я возлагал на него большие надежды. Получить грант на 8-месячное пребывание в США было нелегко, но мне повезло, и теперь я имел возможность не только поработать в лучших американских университетах и архивах, но и просто познакомиться с пока еще малоизученной страной.

Больше половины пассажиров самолета составляли те, кто перебирался в Америку на постоянное жительство. Их я заметил еще в Шереметьево-2 по объемистому багажу, многочисленным провожающим и особой атмосфере, которая окружает тех, кто отправляется далеко и надолго.

К таможенному контролю выстроились две очереди: для туристов и тех, кто уезжал навсегда. Наша цепочка была довольно редкой и двигалась быстро. Таможенник лениво посмотрел на визу по научному обмену и неторопливо скользнул взглядом по экрану рентгеновского аппарата. Ничего достойного внимания — одни книги и бумаги. Зато рядом на двух тележках везли свои сундуки грузины, нашедшие в Америке страну обетованную. На них с усмешкой и несколько брезгливо поглядывали другие, «новые русские», которые предпочитали путешествовать налегке.

Пройдя контроль, пассажир попадает в другой мир, в котором правит валюта. Аромат разнообразных иностранных товаров дают почувствовать это. Кое-где вповал-

ку лежали сирийские беженцы. Уехав из одной страны в другую, они так и застряли посредине.

Авиакомпания «Дельта» отличается от «Аэрофлота» не только заученными улыбками стюардесс, но и размерами салонов, которые просторнее и удобнее наших. Едва самолет набрал высоту, по проходу повезли тележку с напитками. Тут-то и вывел меня из полудремы голос соседки:

— Простите, вы случайно не говорите по-русски?

Услышав ответ, она радостно улыбнулась:

— О, значит, вы поможете поговорить с моим сыном!

Рядом с американкой я заметил мальчика лет пяти-шести. Он сидел, повернувшись к иллюминатору, и сосредоточенно рассматривал облака. Как оказалось, история была простой — американка взяла мальчика из московского детдома. Процедура оформления шла долго и, видимо, обошлась недешево. Конечно, никто напрямую не требовал денег на усыновление. Но... понадобились подарки, некоторые из них были весьма крупными. Да и две поездки из Америки в Россию легли тяжелым бременем на бюджет миссис Соммерс, отнюдь не миллионерши. Всю свою жизнь она проработала клерком в конторе. К сожалению, ее семейная жизнь не сложилась, а иметь ребенка очень хотелось. Вот тут-то друзья и посоветовали ей поехать в Россию, где, как им казалось, проще найти маленького сироту с соответствующим цветом кожи и оформить усыновление.

Егорка, заслышав родную речь, затараторил без остановки и за пять минут рассказал все, что знал о себе. Едва начав жить, он уже немало испытал, свидетельством этому был огромный шрам, пересекающий его шею.

— Что он говорит? — то и дело спрашивала меня миссис

Соммерс. Но, видимо, все, что я успевал переводить вслед за Егоркой, было ей хорошо знакомо. Она лишь грустно кивала головой, слушая голосок своего русского сына.

Я не стал спрашивать миссис Соммерс о прошлой жизни Егорки. Все и так было видно по нему. Она только сказала, мягко улыбнувшись:

— Знаете, он недавно впервые ел банан, и я не успела опомниться, как он съел его вместе с кожурой.

Мальчик же, поняв, что мы говорим о нем, насутился и сказал как-то по-взрослому:

— Пацаны, как только узнали, что я еду к маме в Америку, стали меня бить.

Видимо, истосковавшись по отцовской руке, Егорка сразу же подружился со мной. В конце каждой фразы он говорил:

— Ты же будешь жить с нами?!

Видя такое отношение мальчика к соотечественнику, миссис Соммерс не на шутку испугалась и обрадовалась, когда после остановки во Франкфурте-на-Майне мы оказались в разных салонах. Но не тут-то было: Егорка упорно прибежал ко мне и рассказывал о всех радостях, которые он успел испытать в своей новой жизни. Когда мы подлетали к Вашингтону, вместе с Егоркой подошла ко мне и миссис Соммерс. Она еще раз попросила меня перевести мальчику слова:

— Сынок, ты навсегда покинул свою страну и, возможно, больше никогда ее не увидишь. Твоя жизнь будет совсем иной, какой она была бы в твоей стране. Со временем ты забудешь и Россию, и все, что у тебя там было. Я клянусь перед Богом и обещаю стать тебе настоящей матерью и сделать все, чтобы ты вырос счастливым человеком.

Миссис Соммерс, глотая слезы, говорила еще очень мно-

«Семья», Юлия Краснова

го добрых слов. Признаюсь, и у меня стоял комок в горле. Егорка будто тоже понимал всю серьезность этой минуты. Он молча и внимательно слушал. Время от времени гладил щеку американки худенькой ручонкой, приговаривая:

— Мама, ну пожалуйста, не плачь! Я тебя очень люблю!

В таможенном зале наши пути разошлись. Миссис Соммерс и Егорка прошли к очереди «Для американских граждан». Она двигалась значительно быстрее нашей, так что вскоре американка издала махнула мне рукой и исчезла в толпе с маленьким русским мальчиком, обретшим и новую маму, и новую родину. Как сложится его жизнь?

Глава II
Вашингтон

Вашингтон с высоты птичьего полета

Как получить американский грант и дневники Пепеляева

Занимаясь историей Дальнего Востока, я обратил внимание на то, что след многих героев моих исследований теряется после Октябрьской революции. Легко догадаться, что вероятнее всего они покинули Приморье в октябре 1922 г. вместе с остатками белой армии и нашли пристанище за границей, но подтвердить или опровергнуть этот факт до недавнего времени было затруднительно: зару-

бежные архивы, как и закрытые фонды отечественных, оставались недоступными для большинства историков.

О том, чтобы выехать за границу для научной работы, не могло быть и речи. Правда, сотрудники специальных научных подразделений имели некоторый шанс на подобную командировку, но критерий подбора кандидатов на нее был один: чем ближе к телу научного босса, тем лучше. Американцы, в основном оплачивающие эти поездки в свою страну, были лишены права осуществлять какой-либо отбор. Так из года в год и ездили за рубеж проверенные лица, а чем они там занимались, это уже никого не касалось. Главное,

что соответствующие службы исправно получали отчет об этих поездках и добротную информацию о том, кто и как загнивает за рубежом. Тем же исследователям, которые не состояли в штате академических институтов, дорога за границу была заказана. Несмотря на наличие академического института и множество учебных заведений, можно по пальцам пересчитать всех историков российского Дальнего Востока, которым удалось побывать за рубежом.

Перестройка изменила многое в нашей жизни, внесла она свои коррективы и в заграничные поездки. Американские научные фонды получили возможность напрямую обращаться к соискателям, желающим поработать за границей. Одной из самых престижных в этом списке была IREX — международная программа по научному обмену. Многие десятилетия этот фонд служил мостом, по которому ученые Америки и Советского Союза ездили друг к другу, но дальневосточники о нем узнали лишь в перестроечные времена. На первый открытый конкурс подали заявки 600 человек со всего бывшего Советского Союза, 62 ученых получили гранты, позволяющие им в течение полугода жить и работать по своей программе в США.

Дипломантов IREX'a Вашингтон встретил страшной жарой в 35 градусов. У стойки таможенников в аэропорту выстроились две очереди, причем та, что состояла из американцев, двигалась гораздо быстрее. Для них процедура таможенного контроля упрощена в отличие от иностранцев, и здесь проглядывает уважение к гражданам своей страны.

У выхода из аэропорта стоял молодой американец с плакатом IREX, и вся наша группа собралась вокруг него. Только тут мы и познакомились друг с другом. Среди нас были ма-

Монумент Вашингтона (Washington monument)

тематики, биологи, социологи, психологи — исследователи самых разных направлений. Все побросали свой нехитрый багаж в небольшой автобус. Как только машина тронулась с места, раздался возглас забывчивой дамы-профессорши, которая не обнаружила возле себя своего чемоданчика. Он нашелся около сиденья галантного американца из IREX'a, который помог даме поднести его к машине. Глядя на потертые бока чемодана, который повидал на своем веку немало научных экспедиций, вряд ли можно было заподозрить, что кто-либо из прохожих мог на него польститься.

Через два дня нам предстояло разъехаться по разным городам Америки и заняться своей работой, но сначала нас ждали установочные лекции в Вашингтоне, против чего, впрочем, никто не возражал. А пока мы ходили по американской столице и изучали незнакомый город.

Поселили нас в обычной гостинице, которая хотя и не отличалась размерами, была уютной и комфортабельной. Вечером сотрудники IREX'a собрали нас всех в банкетном зале, чтобы лучше познакомиться и поговорить о планах. Кто-то из американцев сел за рояль, и сразу установилась теплая и дружеская обстановка.

Мое внимание привлек разговор за соседним столиком. Один кавказец что-то усиленно доказывал американцу, который в конце концов устало произнес:

— Простите, но у меня нет на это полномочий.

На это кавказский стипендиат ответил с уверенностью:

— А вот у меня есть полномочия!

Как оказалось, речь шла о заключении торгового договора, ради которого, собственно, и приехал кавказец в США. Действительно ли он принадлежал к научным кругам или су-

Анатолий Николаевич Пепеляев

мел обмануть даже бдительный IREX, для меня осталось загадкой. А может, наука на Кавказе неотрывна от коммерции?

Мы все, в недалеком прошлом граждане одной страны, вновь были вместе, но на этот раз не под советской, а американской крышей. Я часто задавал себе вопрос, зачем американцам нужно помогать ученым из чужой страны. Понятно, когда речь идет о точных или фундаментальных науках, но гуманитариям? Позже, встречаясь с другими американцами, я пришел к выводу, что, с одной стороны, это пропаганда американской жизни, а с другой, какая-никакая, а утечка мозгов. В Америке культурная и духовная жизнь оставляет желать лучшего, — это признают и сами американцы. Разговоры возникали то здесь, то там. Я же, потягивая слабый ромэнкок (ром, смешанный с колой), думал о своих планах. Еще дома, собираясь в дорогу, возникла мысль совершить автомобильное путешествие через Америку. Целью его была бы не только работа в архивах разных городов, но и знакомство с жизнью американцев. Когда еще мне выпадет такая удача, да и выпадет ли вообще? Но и предстоящее путешествие не могло не беспокоить. Смогу ли проехать несколько тысяч миль по незнакомым дорогам в чужой стране, где все не так, как у нас?

От размышлений меня оторвал женский голос, он принадлежал одной из участниц нашей встречи в ресторане, пожилой и ухоженной даме, внезапно заговорившей со мной по-русски.

— Простите, вы мистер Хисамутдинов из Владивостока?

Я знала о вашем приезде и очень хотела с вами встретиться. Я не успел ответить, как она задала новый вопрос:

— Как там у нас в России?

И вновь, не слушая моего ответа, собеседница сказала:

— Я родилась в Бийске и до сих пор помню тамошние вьюги и дым из печки, но вот оказалась здесь и стараюсь по мере сил помогать русским.

Мы проговорили с Лидией Петровной, или по-американски миссис Стенли, до конца вечера. Она рассказывала о своих родителях, о гражданской войне, многие эпизоды которой врезались в ее детскую память. Прощаясь, она неожиданно сказала:

— Вы ведь будете в Сан-Франциско? Если хотите, я могу вам устроить знакомство с дневниками Анатолия Николаевича Пепеляева. Вы знаете это имя?

Знал ли я имя известного колчаковского генерала, который поставил последнюю точку в Гражданской войне в России? Вернувшись полковником с германской войны, он бросился в борьбу против большевиков. После участия в белочешском восстании 27-летнего офицера произвели в генералы, а затем в его карьере начались подъемы и спуски. Он водил в бой дивизии, а затем работал извозчиком в Харбине. Потом были Владивосток и Охотск, где он хотел поднять новое знамя в борьбе против большевизма. В июне 1923 г. Пепеляев был взят в плен командармом Восстречовым, а на следующий год приговорен к расстрелу. Но коммунистическая Фемида была тогда благосклонна к своим врагам, и этот приговор был заменен на 10 лет лагерей. Правда, спустя несколько лет карающий меч все же настиг врага Советской России.

Неужели мне суждено прикоснуться к этим бесценным свидетельствам прошлого? В тот первый день в Америке мне с трудом в это верилось.

Музейные ценности

Владимира Арсеньева в Америке

Стояла такая страшная жара, что трудно было заставить себя выйти из гостиницы и отправиться по делам, но счет времени за границей идет на минуты, а мне не терпелось побывать в библиотеках и архивах Вашингтона, где сохранились какие-либо сведения о русском Дальнем Востоке. Я отправился в самую именитую библиотеку Конгресса.

Особой процедуры для доступа к работе в ее читальных залах не требовалось. Все, что мне нужно было — заполнить от руки специальный бланк, причем, никому и в голову не пришло сверять его данные с паспортом. Пройдя в центральный зал, я замер от восхищения. Огромнейший сводчатый потолок, полированные временем и неисчислимым количеством читателей столы, старинные шкафы с редчайшими книгами, могут изумить любого. На посетителей, работающих за массивными дубовыми столами, освещенными яркими лампами, молча взирают скульптуры великих мыслителей прошлого.

Библиотека Конгресса — самая большая библиотека в мире, насчитывающая 97 миллионов единиц хранения в разных видах: от папируса до оптических дисков. Там содержится 20 миллионов книг на 60 языках, которые охватывают практически все области знания, и более 36 миллионов рукописей, среди которых можно найти бумаги президентов, архивы известных ученых, писателей, художников.

Библиотека была основана в 1800 г. тогдашним президентом Джоном Адамсом как справочная для нужд Конгресса. На покупку книг и оборудование помещения

предусматривалась сумма 5 тысяч долларов. Первые книги были заказаны в Англии и переправлены через Атлантический океан в одиннадцати сундуках. Когда в 1814 году английские войска вторглись в Вашингтон и подожгли Капитолий, эта небольшая библиотека была утрачена, и тогда бывший президент Томас Джефферсон предложил в качестве замены свою личную библиотеку, которую он собирал на протяжении 50 лет. Служа послом во Франции, он проводил много времени у букинистов Парижа, отбирая все, что имело отношение к Америке, а также все, что было ценным во различных областях науки. Его библиотека считалась одной из лучших в Соединенных Штатах.

Главной задачей библиотеки и сегодня является наведение справок для Конгресса, но пользоваться ей могут все, кто ведет серьезные исследования. В каждом читальном зале — а всего их больше пятидесяти — есть компьютерные терминалы, обеспечивающие доступ к каталогу библиотеки.

Каталог, кстати, существует как в компьютерном, так и в карточном вариантах — кому какой привычнее. Особых открытий там меня не ждало. Просмотрев на пробу карточки именитого земляка Арсеньева В. К., я обнаружил, что библиотека располагает самыми обычными изданиями, точно такими же, какие хранятся в наших приморских библиотеках. То же самое увидел я и в разделе «Русский Дальний Восток».

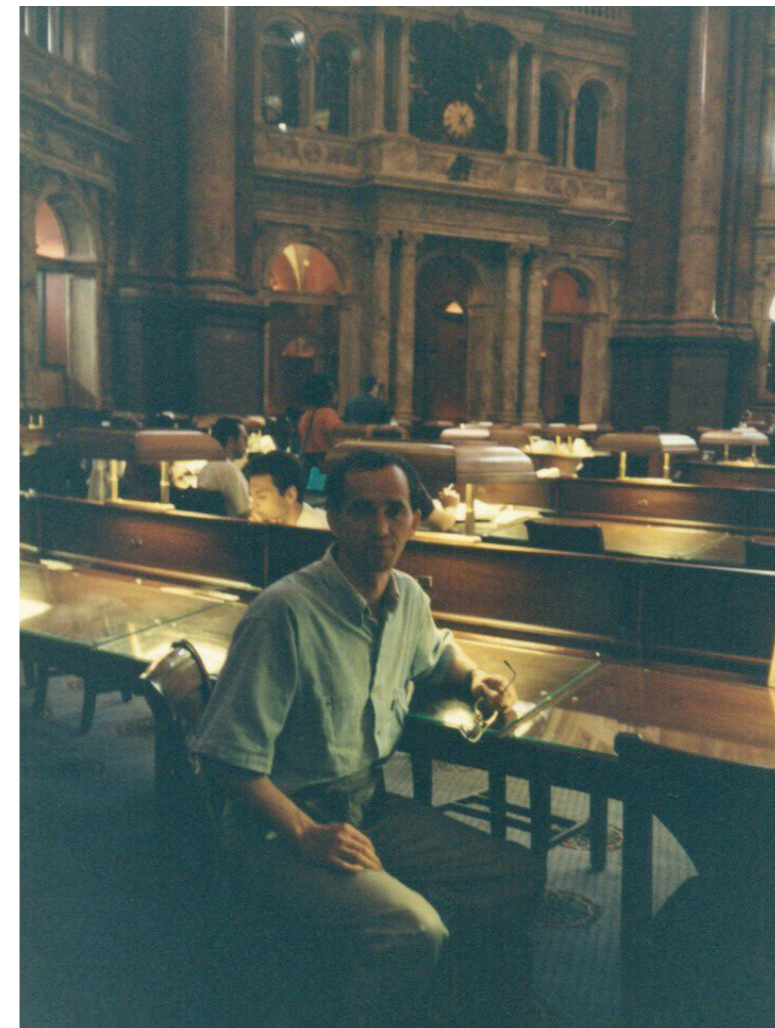
Позанимавшись в читальном зале, я решил навестить коллег в Славянском отделе библиотеки. Не покладая рук, трудились мои друзья Майкл Ньюборт и другие, с которыми позднее мы встретились на конференции славистов в Гонолулу. Американские библиотекари посетовали на то, что в период перестройки в России значительно сократи-

лось издание региональной литературы и пополнять библиотеку можно было только с помощью личных связей. Американцы как раз планировали поездку в Хабаровск, чтобы наладить книжный обмен между дальневосточными библиотеками и библиотекой Конгресса.

Более серьезные находки ждали меня в Национальном архиве США. Получив читальский билет, я отправился в научный зал, где заказал материалы из архива американского консульства во Владивостоке. Из них я хотел почерпнуть новые сведения о гражданской войне 1917-1922 гг.

Через несколько минут мне принесли из хранилища аккуратные ящички. Раскрыв первый, я не поверил своим глазам: почерк Владимира Клавдиевича Арсеньева! Неужели правы были недруги известного исследователя, обвинявшие его в том, что он продал музейные материалы в Америку, а способствовало ему в этом американское консульство во Владивостоке? Позже это обвинение стало одной из причин гибели его жены Маргариты Николаевны.

«Милостивый государь! — читал я записку Арсеньева американскому консулу, написанную характерным, емким и четким почерком путешественника, — В 1914 году антрополог Понятовский работал на р. Амур на средства Национального Музея в Вашингтоне. Ныне доктор Хердлычка из Вашингтона обратился ко мне с просьбой все коллекции, собранные Понятовским, и все его снаряжение переслать к Вам во Владивосток для отправки в Америку. Война застала Понятовского в г. Хабаровске. Тогда он обратился ко мне с просьбой хранить его вещи до тех пор, пока не известит он меня лично или пока я не получу указаний из Америки, как поступить с его коллекциями. Ныне такое указание последо-

Читальный зал Библиотеки Конгресса

вало. Я очень рад, что имею возможность оказать маленькую товарищескую услугу как д-ру Хердлычке, так и Национальному Вашингтонскому музею. Прошу и в будущем рассчитывать на меня, как на директора музея. Готов всегда способствовать Вашим соотечественникам в сборе научных сведений о Приамурском крае, а равно в доставке и хранении пересылаемых коллекций. Прошу принять мои уверения в искреннем уважении и преданности. В. Арсеньев».

Рядом с Национальным архивом находится знаменитый Смитсоновский институт. 15 музеев составляют величайший в мире музейный комплекс. Кстати, здесь-то и хранятся антропологическая и этнографическая коллекции Понятовского и Котова, собранные на средства Смитсоновского института и отправленные в Америку Арсеньевым.

Несмотря на охрану, которая, по замыслу дирекции института, должна отрезвлять грабителей и террористов, прогулка по музейным залам и галереям оставила незабываемое впечатление. Редчайшие экспонаты, роскошные ковры, прекрасное освещение не могут не способствовать духовному обогащению и эстетическому наслаждению.

Вернувшись в архив, я занялся документами, рассказывающими об отношении американцев к гражданской войне в России. Эта тема совершенно не исследована нашими специалистами. В недавнем прошлом крушановская школа историков раскрывала ее только с позиций воинствующего большевизма: пришли с мечом на нашу землю и от него же погибли! На самом деле все обстояло не так просто.

В те годы демократическая Америка не испытывала особого желания участвовать в реставрации царского режима. Некоторым ее политическим деятелям скорей были

Владимир Клавдиевич Арсеньев

по душе лозунги о демократии большевистского лагеря. Общеизвестно и то, что американцы резко отрицательно относились к атаману Семенову, казаки которого расстреляли один американский броневик. По этой причине по приезде в Америку Семенов попал в тюрьму, а его последующие визиты к американским денежным мешкам в поисках средств окончились безрезультатно. Были случаи, когда американские солдаты влюблялись в российских девушек и даже входили в состав партизанских отрядов.

Об этом я прочитал в нескольких дневниках американских солдат, вернувшихся домой после окончания гражданской войны на Дальнем Востоке. Они очень скучали о своих возлюбленных и звали их к себе, но те предпочли остаться в России. Весьма важной была помощь американцев в организации детского приюта для беспризорных детей, который был создан на Русском острове матерью Терезой. У меня собралась большая коллекция документов обо всем этом, которая ждет своего часа для обработки и опубликования. Во время гражданской войны генеральное консульство США во Владивостоке тщательно следило за политической ситуацией, которая развивалась в России, и своевременно докладывало обо всем в госдепартамент. Об этом свидетельствуют и еженедельные отчеты, которые тщательно хранятся в Национальном архиве.

«Во Владивостоке пока еще спокойно, — сообщается в отчете от 11 декабря 1917 г. — но обстановка ухудшается. Комитет Солдатов и рабочих требует, чтобы ему было передано управление Госбанком и коммерческим портом...»

22 декабря того же года консул вновь подтверждал, что во Владивостоке сохраняется спокойствие: «Большевики пока еще не завладели контролем над государственными учреждениями, но скоро это может произойти... Газеты сообщают, что все станции в западу от Иркутска уже находятся в руках большевиков...»

Отчеты 1918 г. уже выглядят куда более драматично. В одном из них, например, сообщается о захвате группой солдат в ночь с 3 на 4 февраля 1918 г. гостиницы «Версаль» во Владивостоке и ограблении ее постояльцев. В другом — о вооруженных нападениях на иностранцев на улицах города.

Делается вывод, что ни городские, ни областные власти не могут контролировать ситуацию и обеспечить безопасность как жителей Владивостока, так и иностранных граждан.

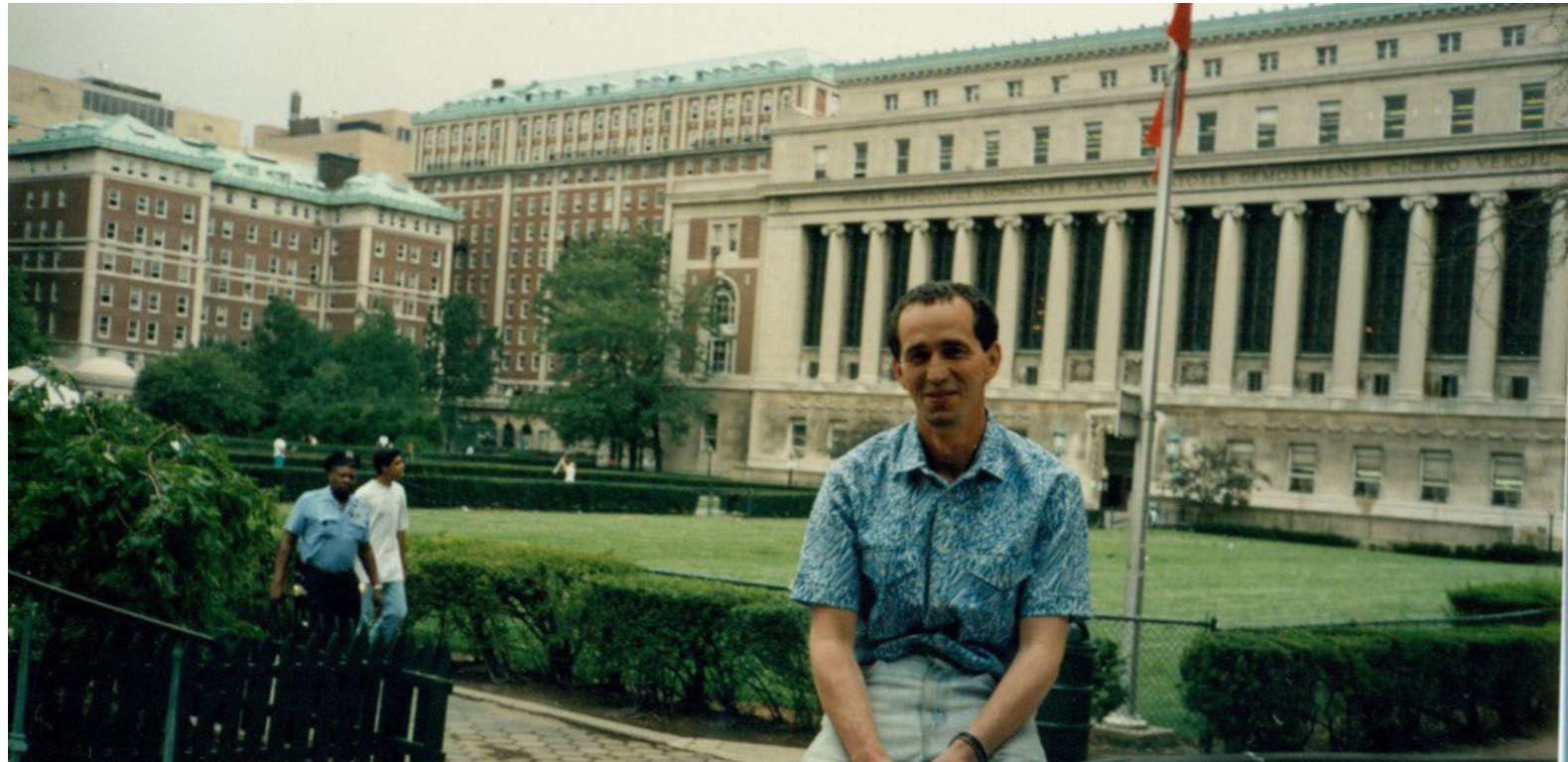
Будучи в Вашингтоне, я хотел поближе познакомиться и с другим уникальным собранием, касающимся эмиграции русских в Азию. Перестройка позволила открыть в России многие архивы, до этого мало кому известные. В первую очередь это касается уникального собрания бывшего Бюро российских эмигрантов в Маньчжу-ди-гоу, так называемого БРЭМа. В 1945 году они были вывезены из Харбина и хранились в Государственном архиве Хабаровского края. Но мало кто из наших специалистов-историков знает, что подобный архив находится и в Вашингтоне. Он называется фондом Шанхайской муниципальной полиции.

После окончания Тихоокеанской войны американцы занялись устройством русских эмигрантов, обосновавшихся в Шанхае после того, как они покинули родину в октябре 1922 года. Все они попали под юрисдикцию Международного сэттльмента и Шанхайской полиции, архив которой и попал в Америку. Вместе с иммиграционными документами он до недавнего времени хранился в ЦРУ, но согласно американским законам по истечении определенного времени был передан в Национальный архив. Правда, во многих личных делах имелись ссылки на особые архивные фонды, доступ к которым был закрыт. Они касались лиц, отличавшихся в эмиграции политической активностью. Что может быть слаще запретного плода? Я понял, что не уеду из Вашингтона, пока не загляну хоть в некоторые из этих секретных фондов. И это мне удалось!

Глава III

Нью-Йорк — Чикаго

Библиотека Батлера Колумбийского университета, Нью-Йорк (Butler Library Columbia Univ. (NYC))

Секреты Бахметьевского архива

Для перелета из Вашингтона в Нью-Йорк я решил воспользоваться комфортабельным аэротакси. Это обыкновенный большой самолет, но совершающий дешевые челночные рейсы каждые полчаса. Пассажиры едва успевают пере-

кусить замысловатой закуской, предложенной приветливой стюардессой, как их просят пристегнуть ремни для посадки.

Такси в Америке отличается от русского. Здесь царит порядок, и расплата производится по счетчику, не считая чаевых. Распаковав чемодан в своем номере отеля Carlton Hotel, я поспешил в Колумбийский университет, в архиве которого хотел поработать.

В сентябрьский день совершенно не чувствовалось дыхание осени, напротив, от изнуряющей жары не спасала даже тень небоскребов. Зато в любом закрытом помещении было прохладно от мощных кондиционеров, установленных везде, даже в подземных переходах. Один из лучших американских университетов находится рядом с Гарлемом, который ничем не напоминает негритянское гетто, каким любила показывать его наша прошлая пропаганда. Район как район, лишь афроамериканцев в нем действительно больше, чем в любом другом.

Университет, как обычно в Америке, оказался целым городком величественных зданий, от которых так и веяло знаниями и солидностью. В одном из лучших зданий размещалась библиотека, в которой мне и предстояло провести неделю, разбираясь в документах, касающихся русского Дальнего Востока.

Здесь, в Колумбийском университете, хранится одна из самых больших архивных коллекций русской эмиграции, и все, кто интересуется этой темой, мечтают поработать в нем. Копаясь в этом бесценном собрании, не перестаешь удивляться полноте и многообразию его фондов, содержащих бесценные документы. Меня же в нем интересовал уникальный фонд, известный под названием «Бахметьевский архив» — в нем хранятся сведения о белом движении в России. Он был основан на деньги бывшего полномочного посла Временного правительства Б. А. Бахметьева после того, как Советская Армия, пришедшая в Чехословакию, вывезла из Праги в Москву Российский эмигрантский архив, в котором находились материалы, посвященные гражданской войне и жизни русских за рубежом.

Потеря архива в Праге заставила эмигрантов задуматься о создании нового фонда, который и был мало-помалу собран и размещен в Колумбийском университете.

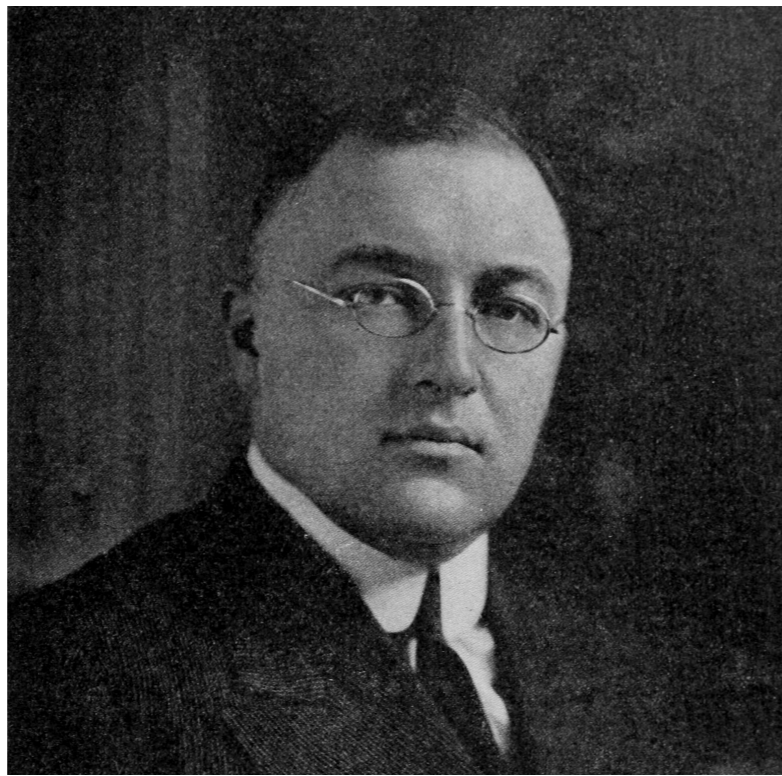
Фото: Амир Хисамутдинов

В 1951 г. президент университета генерал Эйзенхауэр подписал так называемое джентльменское соглашение, в котором обязался сохранить бесценные материалы, переданные архиву русскими эмигрантами, и предоставить возможность распоряжаться ими специально созданному Эмигрантскому попечительному комитету.

Первым в моем списке был фонд генерала К. К. Акинтьевского, который содержался в трех ящиках — обычная мера архивной документации в Америке. Самой важной была рукопись «К истории гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке». Читая ее, я поражаюсь анализу, который сделал Акинтьевский, характеризуя расстановку сил в гражданской войне, и очень жалел, что этот труд нельзя пока опубликовать в России. К рукописи автор приложил немало редчайших документов, которые, естественно, неизвестны нашим читателям.

Фонд генерала К. К. Акинтьевского — далеко не единственный, рассказывающий о кровопролитной войне на русском Дальнем Востоке. Много поучительного удалось найти и в коллекции Пауля Андерсона. Семь фотоальбомов и одна неопубликованная рукопись рассказывали о деятельности на Дальнем Востоке Христианского союза молодых людей (ИМКА). Немало фотографий было посвящено Владивостоку, на них я заметил знакомые места, в том числе и здание Общества изучения Амурского края — на Светланской, 50. Архивный ящик Михаила Бореля, участника Русско-японской войны, был битком набит его военными мемуарами, из которых я с удовольствием прочитал воспоминания, озаглавленные «За веру и верность».

Настоящие открытия меня ждали в трех ящиках, где лежали документы Юрия Аполлоновича Черемшанского. Бывший гвардеец, в эмиграции он стал талантливым детек-

Борис Александрович Бахметьев

тивом Шанхайской полиции. Его личные документы и записки содержали массу интересных фактов и нераскрытых тайн, которые могли бы стать сюжетами для захватывающих детективных романов. В фонде Ю. А. Черемшанского были сведения и об активности ГПУ в Китае среди эмигрантов, свидетельствовавшие о том, что еще очень многое в истории русской эмиграции остается для нас неизвестным.

Заинтересовали меня и бумаги Карла Карловича Миллера, который долгие годы был торговым агентом министерства торговли Российской Империи в Токио. Анализ международных экономических отношений, который он сделал, мог бы послужить хорошей основой и для трудов нынешних экономистов, имеющих дело с Японией.

В девяти ящиках хранится архив Мстислава Петровича Головачева, который в гражданскую войну был профессором Дальневосточного университета во Владивостоке. Являясь одним из самых активных общественных деятелей русской эмиграции в Китае, он оставил об этом времени немало ярчайших воспоминаний. Среди мемуаров Головачева я заметил и несколько страниц, рассказывающих о том, как охранка вербовала в свои агенты Иосифа Сталина.

Всем, кто интересуется русской эмиграцией, известно фундаментальное двухтомное исследование Петра Балакшина «Финал в Китае», без ссылки на которую не обходится ни одна статья о дальневосточных эмигрантах. Известно, что в этой классической работе были использованы воспоминания бывшего секретного сотрудника и русского фашиста Николая Андреевича Мартынова. Но мало кто знает, что все свои бумаги и документы он отдал в Бахметьевский архив, где они хранятся в двух ящиках.

За чтением и обработкой материалов, рассказывающих о русской эмиграции в Азии, дни и часы летели незаметно. За дневниками одного исторического лица следовали мемуары другого, готовые к печати рукописи лидеров белого движения сменялись незавершенными набросками книг и статей. Без особых угрызений совести я читал частные письма и разглядывал личные фотографии. Кстати, просматривать их нужно в специальных перчатках, чтобы не повредить уникальные снимки, но зато по первому требованию исследователя сотрудники архива могут сделать

копию любого материала, необходимого в работе.

Деятельность эмигрантских общественных организаций, в том числе и такой таинственной, как Братство русской правды, русские фашисты, сохранение материальных, культурных и духовных ценностей, зачастую замешанное на интригах, а порой и на преступлениях, могли бы стать темой многотомного исследования, рассказывающего не только о гражданской войне, породившей эмиграцию, но и о дальнейшей жизни русских изгоев вдали от родины.

Судьба Бахметьевского архива весьма интересна. В мае 1977 года от его руководства был отстранен куратор Лев Магеровский, а сам архив влит в библиотеку Колумбийского университета. По этому поводу Магеровский писал: «О прежнем непрестанном и обильном притоке материалов со всех концов Зарубежья в этот единственный в мире антибольшевистский архив не может быть теперь и речи. До моего внезапного устранения фонды архива считались наиболее полно отражающими события последних десятилетий Империи и всю антибольшевистскую борьбу с 1917 г. во всем ее многообразии..., и, несомненно, такая нарочито созданная порочная ситуация нанесла большой ущерб правдивой истории и будущему объективному исследованию...»

Реформы в университетской библиотеке лишили русский эмигрантский архив автономии, и это, конечно же, не может не возмущать создателей и руководителей Бахметьевского фонда. Что же касается «правдивой истории», то теперь архивом могут пользоваться не только те, кого допускало к фондам руководство, а без исключения все исследователи, что нисколько не вредит, а напротив, способствует большей объективности.

В факеле статуи Свободы

Переполненный архивными впечатлениями и мыслями о прошлом, я отправился бродить по вечернему Нью-Йорку. Мне приходилось слышать много противоречивых отзывов об этом огромном «сверхгороде». Одни безудержно ругали его, называя каменными джунглями, другие же, напротив, отмечали красоту и оригинальность многих нью-йоркских построек. Но и те и другие сходились во мнении, что второго такого города в мире не сыскать. И вот мне предоставился случай все проверить самому.

Говорят, если не погулял по Бродвею, значит не был в Нью-Йорке. На эту улицу, а точнее сказать, целый городской район, я прежде всего и отправился. Название (в переводе с английского — широкий путь) говорит само за себя и полностью оправдывается. Небоскребы, которые обступают с обеих сторон эту центральную магистраль, зрительно сильно сужают ее, но тем не менее, глядя на бесконечные вереницы машин, понимаешь, насколько широка улица.

Первое, на что я обратил внимание, — спешка. Все люди вокруг меня куда-то торопились. Ритм жизни ощущался во всем и особенно при пересечении улицы. Никто не следил за светофором и норовил перейти через дорогу, лавируя среди потока машин. Впрочем, сделать это было не так уж сложно, поскольку движение транспорта здесь замедленно.

Бродвей — необычная улица хотя бы потому, что выбивается из плана прямоугольной застройки Нью-Йорка и причудливо изгибается, пересекая по всей длине остров Манхэттен. Это обеспечило ей и особую роль. Не найти в городе другого такого средоточия коммерческих и развлекательных учреждений: от огромных модных магазинов до мелких лавочек, торгующих сувени-

рами, от сверкающих театров до крохотных зальчиков, где дают представления никому не известные труппы.

А еще Бродвей — средоточие небоскребов. Именно здесь, по мнению американских историков, в 1870 году появился первый небоскреб высотой в пять этажей. Сегодня над этим историческим фактом можно только посмеяться, особенно если стоишь рядом с таким гигантским сталагмитом, который, действительно, упирается своей макушкой в самое небо. Создание сверхнебоскребов стало главным путем к престижности, несмотря на то, что экономические расчеты предупреждали о нерентабельности строительства зданий выше 60 этажей. Несколько десятилетий мировой рекорд удерживал Empire State Building, 102 этажа которого вытянулись вверх на 395 метров.

Есть в Нью-Йорке еще одно место, где непременно нужно побывать, — статуя Свободы. Уже много десятилетий она является символом американского образа жизни, вот я и решил перед дальней дорогой постоять у ее подножья и как бы попросить благословения. Как оказалось, сделать это было совсем несложно. На такси я добрался до набережной, купив там билет, сел на небольшой паромчик, курсировавший до островка, на котором установлена статуя Свободы и который благодаря этому тоже стал называться островом Свободы.

Немного штормило, но мы быстро добрались до цели. Очередь страждущих забраться на самый верх статуи оказалась не очень большой. На первую видовую площадку доставлял скоростной лифт, а дальше уже нужно было идти пешком. По винтовой узенькой лесенке я карабкался сначала по руке Свободы, затем по факелу, который она держит, и вскоре оказался на самой верхней точке.

Оттуда взгляду туристов открывается необычный вид на Нью-Йорк, который со стороны кажется краше и солиднее. Небоскребы гляделись величественно и неприступно. Непо-

Бродвей, Нью-Йорк

далеку виднелся другой островок, на котором когда-то располагался лагерь для иммигрантов. Через него прошли тысячи русских, выброшенных гражданской войной из России. Для многих из них Америка оказалось землей обетованной.

Вернувшись на Манхэттен, я решил осмотреть знаменитый Морской музей, который располагался недалеко от пристани, но там мне не понравилось. Может, оттого, что все в нем было сделано на потребу коммерции и невзыскательного туриста, а может, причина тому — рыбный ресторан. Несмотря на звучное и загадочное название заказанного блюда, оно оказалось обычной похлебкой.

В гостиницу я вернулся лишь за тем, чтобы забрать свои вещи. Уже не терпелось как можно скорее отправиться в путешествие. Арендовать автомобиль я рассчитывал в аэропорту Кеннеди — там есть стоянки нескольких компаний, дающих машины на прокат. Передо мной стояла задача найти такую, чей автомобиль обошелся бы дешевле. Выбор пал на компанию National. Вся процедура оформления аренды заняла несколько минут. Меня попросили показать водительское удостоверение, спросили о страховке и банковском обеспечении. После этого я стал обладателем ключей от новенького «Форда» и небольшой карты с изображением всех автомобильных дорог Америки.

Признаться, я очень волновался, выезжая с территории стоянки. Нью-Йорк подавлял количеством автомобилей на его улицах, и я боялся с непривычки стать виновником аварии. Поскорей бы выбраться из города! К счастью, рядом с аэропортом начиналась скоростная дорога. Благополучно вписавшись в бесконечную череду автомобилей, я миновал Нью-Йорк. Помахав рукой этому городу, я отправился в долгое путешествие.

Отели и дороги. Стояла сильная жара, но в автомобиле было прохладно. Приятно пахло кожей сидений.

Нью-Йорк, Амир Хисамутдинов

Надо сказать, что в Америке все машины сдаются в аренду новыми. Отработав определенное время (весьма короткое), они распродают. Забегая вперед, добавлю, что автомобиль, на котором я проехал через всю Америку и побывав во всяких передрягах, был признан явно негодным для дальнейшей эксплуатации в компании.

Выехав из Нью-Йорка уже под вечер, вскоре я задумался о ночлеге. Проще всего было остановиться в недорогом мотеле — их было предостаточно. То тут, то там мелькали призывные плакаты с указанием цены, которая была примерно в три-четыре раза ниже, чем в городских отелях, не говоря о том, что у каждой придорожной гостиницы имелось бесплатное место для стоянки автомобиля.

Мой выбор пал на Howard Jonson Hotel, который располагался всего в миле от скоростной дороги. За неброской вывеской и непритязательным фасадом угадывалась цена, приемлемая для странствующего историка. Кстати, побывав за время путешествия в десятках отелей, я ни разу не увидел там объявления, что мест нет. Как обычно, процедура поселения не заняла много времени: понадобилось заполнить лишь один небольшой бланк. При этом в американских гостиницах никто не требует от вас документов, достаточно показать только кредитную карточку, по которой будет производиться расчет.

Обстановка в номере была самой обычной: большая кровать с тумбочкой, на которой лежали библия и небольшой телефонный справочник с перечнем услуг, которые предоставлялись в этой гостинице. Были также телевизор, холодильник, ванная и прочие удобства, без которых не мыслится ни одна американская гостиница.

Хотя в моем номере имелся небольшой кухонный отсек, я предпочел отправиться на ужин в близлежащий ресторан-пиццерию. В ожидании своего заказа я решил

осмотреться и заметил телевизоры, установленные в каждом углу ресторана помещения. В них мелькали развлекательные и спортивные программы.

Видимо, от излишних переживаний и впечатлений я заспался и встал непривычно поздно, около 9-ти часов. Позавтракав совсем по-русски парой бутербродов с маслом и сыром. Запивая их крепким кофе, я предавался размышлениям о предстоящей работе. Хотя в Америке существуют идеальные условия для архивно-библиотечных занятий, чему в немалой степени способствует разветвленная компьютерная система, часто бывает так, что она охватывает только основные темы, и успех исследования по-прежнему зависит от долгой работы в архивных залах. Мне же, вдобавок, предстояло разобраться в теме, которая вовсе не отмечена в указателях по истории русского Дальнего Востока.

Мой путь проходил по штату Пенсильвания. Вести машину по скоростной дороге, идеально ровной и прямой, — других в Америке не бывает — одно удовольствие. Незаметно для себя набираешь скорость 100-120 миль в час, что является нарушением правил даже для скоростной дороги, и тогда возникает ощущение полета. Не только легковые автомобили, но и огромные грузовики мчатся здесь на огромной скорости, и это создает впечатление, что вся Америка находится на колесах.

Одно из удовольствий, ожидающих водителя в Америке — бесплатный кофе в придорожных местах отдыха, которые всегда располагаются в интересных и экзотических уголках. Через каждую пару сотен миль дороги можно увидеть большую вывеску Free coffee. Около нее — павильон, в котором тебе нальют чашку-другую горячего и крепкого напитка, а иногда угостят еще и печеньем. Чаще всего этим занимаются благотворительные организации. В местах стоянки находятся и благоустроенные туалеты, настолько чистые и

Американская трасса

просторные, что в них вполне можно остановиться и на ночь. Устроены там и площадки для разведения огня, а рядом — удобные сидения под навесом. Кстати, нигде не увидишь никаких хулиганских поломок или неприличных надписей. Все чисто, аккуратно и благопристойно. Эти излишества дополняет стенд с бесплатными буклетами обо всех окрестных достопримечательностях. Это печатная пропаганда помогает не только просветить тех, кто проезжает по этой местности, но и пополнить кошелек коммерсантов, зарабатывающих на индустрии туризма, а заодно, через налоги, и бюджет штата. Оттуда и берутся средства не только на содержание дорог, но на эти «бесплатные» места отдыха.

Под вечер я остановился в небольшой дешевой гостинице Days Inn Hotel. Несмотря на размеры, она обладала отличной площадкой для гольфа, красивыми клумбами и ухоженными

газонами, благодаря чему оставила хорошее впечатление.

На следующий день с 8 утра я продолжил путешествие по Пенсильвании. На американской дороге я уже чувствовал себя вполне уверенно. Прекрасное покрытие и большое количество пояснительных надписей превращали езду в приятное времяпровождение. Из Пенсильвании я незаметно переехал в штат Индиана. Нескончаемые поля, засаженные кукурузой, пшеницей и другими культурами, имели необычный и красивый вид. Все было, как на картинке. Природа же напоминала приморскую — такие же развесистые дубы на невысоких округлых сопках, стройные березы, среди которых порой мелькали и ели.

Через полтора часа я был в Чикаго. В ресторане около меня сидела пожилая пара и беседовала по-русски. По акценту и манере разговора господина было понятно,

Амир Хисамутдинов в Чикаго

что он принадлежал к первой волне эмигрантов. Я стал невольным свидетелем житейского разговора о болячках — физических и моральных, о том, кто уже умер, а кто уехал. Эти милые сплетни двух стариков, по-американски одетых и ухоженных, напомнили мне пересуды наших, российских, дедушек и бабушек.

До 1917 года русская колония в Чикаго, насчитывающая 20–25 тысяч человек, была по величине второй после Нью-Йорка. В то время здесь выходило очень много русских газет: «Русская жизнь», «Молодая Русь», «Свободная Россия», «Русская почта», «Русские в Америке» и другие. Своего апогея культурная жизнь русской колонии достигла с основанием в декабре 1918 г. Русского народного университета, но гражданская война в России перепутала планы эмигрантов: одни вернулись домой, другие же остались без идейных вождей. К сожалению, история русских колоний в Америке не имеет своих ученых-исследователей и до сего дня остается ненаписанной.

На улицах Чикаго поток машин настолько мощен и нескончаем, что вклиниться в него, казалось, совершенно невозможно. Тем более что заканчивался уикэнд, и многие тысячи американцев спешили в город после отдыха на природе. Пришлось немного поволноваться, но все обошлось. Бензин был на исходе, и я решил завернуть на заправку и там же остановиться на ночь. Отель порастил меня своей солидностью, но, к счастью, оказался дешевым. Таким же доступным оказался и ужин в Бургере. Приятной неожиданностью была возможность устроить постирушку в прачечной самообслуживания при гостинице. Вечером я позвонил в Миннеаполис, куда должен был приехать на следующий день. Профессор Кэрол, куратор русской коллекции университета штата Миннеаполис, подтвердила, что ждет меня.

Глава IV

Миннеаполис — Биллингс

Знакомство с русской коллекцией

Дорога по Миннесоте была хорошей, и через полтора часа мой форд уже въезжал в столицу штата — Миннеаполис, рядом с которым и располагался нужный мне университетский городок. Признаться, меня подвела излишняя самоуверенность, и я проглядел нужный выезд со скоростной дороги. Пришлось изрядно попотеть, разыскивая — сначала на карте, потом на местности — дорожные развязки, чтобы вернуться и попасть в университет штата. Там я должен был встретиться с профессором Кэрол.

Разговаривать с коллегами я предпочитаю на сытый желудок. В поле моего зрения попал небольшой китайский ресторанчик — забегаловка, где я смог без особых проблем приютить свою машину. Обед оказался никудышным: лапша была пересолена, а кусочки мяса в бульоне внушали сомнения насчет их происхождения. Зато группа студентов за соседним столиком поглощала эту еду за обе щеки и оживленно обсуждала, куда лучше всего поехать на заработки. Решив этот вопрос, они заспорили, как легче и быстрее можно добраться до нужного местечка. Остановились на «автостопе», выбрав на эту роль двух красивых девушек. Парням же предназначалось вести переговоры со владельцем дорогого отеля, расположенного в курортном месте, где они и собирались устроиться на временную работу всей компанией. В Америке считается обычным делом, если молодые люди сами зарабатывают себе на обучение, даже если их родители в состоянии оплатить его. Американцы считают, что работа с юных лет дает хорошую закалку на будущее.

Профессор Кэрол, на правах старой знакомой, встретила меня с объятиями в зале редких коллекций университетской

Амир Хисамутдинов и Кэрол Урнесс в библиотеке Уилсон

библиотеки. Мы с ней познакомились за год до этого в Анкоридже на конференции, посвященной 250-летию плавания В. Беринга и А. Чирикова к берегам Америки. Мне запомнился ее обстоятельный доклад, подкрепленный интересными документами. Американские историки издавна интересовались русской темой. Ведь и Аляска, и Российско-амери-

канская компания — это общие страницы в истории наших стран. В последнее время наша отечественная историческая наука испытывает массу проблем. Главная из них — отсутствие средств на издание трудов и проведение конференций. Наши коллеги в США не намного в лучшем положении. Только сугубо узким специалистам да еще русским эмигрантам интересна история о русском колумбах, пробивших свой путь на далекий континент. Организатор той конференции профессор Джек Фрост отдал много сил, чтобы найти деньги на проведение той памятной конференции в 1991 году, в которой участвовали исследователи из разных стран. Она удалась на славу, а вскоре всем был отправлен весомый том докладов, прочитанных на заседаниях.

С того времени прошло несколько лет, и восторг по поводу русско-американского юбилея давно утих. В России с превеликим трудом издали третий том сборника «Русские географические открытия на Тихом океане» архивиста из Санкт-Петербурга Татьяны Федоровой. И кто знает, сумел бы архив наскрести денег на новое издание, если бы американцы не протянули руку помощи своим коллегам. Совместно с профессором Лидией Блек из аляскинского городка Фербенкса и профессором Кэрол из Миннеаполиса Т. С. Федорова задумала несколько уникальных изданий, которых ждут специалисты как в России, так и в Америке.

Я провел несколько часов в библиотеке университета Миннеаполиса. Зал редких коллекций напоминал библиотеку средних веков. Огромные шкафы из красного дерева, скрывающие старинные фолианты, массивные столы, витражи и скульптуры, выполненные искусными мастерами прошлого, создавали ощущение сопричастности с вечностью. Профессор Кэрол, куратор этого зала и увлеченный человек, с гордостью показывала, что из коллекции было собрано до нее, а к чему приложила руки и она сама.

Уникальная коллекция старинных русских карт и книг, посвященных русскому Дальнему Востоку, потрясла меня. С дрожью в руках я переворачивал страницы бесценных документов, рассказывающих о плаваниях русских у берегов Америки. Кстати, сама Кэрол издала несколько работ на эту тему, которые тут же вручила мне. Не обошлось без казуса. Разглядывая старые книги на русском языке, я обратил внимание на два редких томика: первое издание сочинений, принадлежащих перу известного мореплавателя Сарычева. На титульном листе и 17 странице, где обычно ставят свои штампы советские библиотеки, часть листа оказалась срезанной. Из какой же российской или советской библиотеки эти тома?

Профессор Кэрол посетовала на то, что сейчас в Америке снизился интерес к русской научной теме. Все меньше появляется студентов, готовых забыть о карьере и деньгах, годами рыться в архивах и разбирать почерки русских пионеров.

По пути из Миннеаполиса мне вновь пришлось разбираться в лабиринте множества дорог, ведущих из города. На протяжении всего пути мне верой и правдой служили прекрасные карты автомагистралей Америки, в которых расписывается каждая миля пути. Нужная мне дорога носила номер 94 и соединяла запад и восток Америки.

На ночлег я остановился в местечке Sauk Center. После ужина я решил осмотреть свой номер. И каково же было мое удивление, когда увидел, что проведу эту ночь на водяной кровати, которая представляла собой резиновый матрас с водой, заключенный в деревянный каркас. Из-за тяжести такие кровати рекомендуются иметь только на первом этаже зданий. Кровать оказалась ничем не хуже и не лучше обычной, только не покидало ощущение, что спишь на чем-то живом, шевелящемся и готовом сбросить тебя на пол при первом же неосторожном повороте туловища. Мне всю ночь снились Беринг, Чириков и прочие русские мореплаватели.

«Плохая земля» американцев

В дороге, проходящей через штат Северная Дакота, пришлось провести весь день. Остановок почти не предвиделось, и мой автомобиль быстро пересекал американский континент. Вдоль автомагистрали тянулись поля пшеницы, которым не было ни конца, ни края. Они очень напоминали наши российские, правда, порядка было больше. Во время обеда, закусывая дежурным бутербродом и просматривая путеводитель, я обнаружил в нем интересную достопримечательность — природный парк *Rusvelt Park*. Побывать в Америке и не увидеть, как жили здесь во времена Дикого запада, было бы непростительной ошибкой, и я решил задержаться ненадолго в этом местечке, напоминая картинку из фильмов-вестернов.

Местность называлась *Bad Lands* — «Плохая земля». Непонятно, чем было обусловлено такое название: то ли плохой погодой, которая здесь не редкость, то ли рельефом местности, то ли дурной репутацией этого района. В одной книжке сообщается, что на «Плохой земле» частенько находили пристанище джентльмены удачи, имевшие проблемы с законом. Но это было в далеком прошлом, сейчас же местечко облюбовали кинематографисты для натурных съемок.

Парк носит имя президента Рузвельта — он довольно часто приезжал сюда на отдых и охоту. Меня поразило, как обдуманно была проложена по парку прекрасная дорога. На извилистом шоссе мне удалось увидеть немало диких животных. Буквально у дороги щипало траву стадо оленей. В некотором удалении, на склоне холма виднелась пара бизонов с огромными гривами. Эти животные, кстати, являются эмблемой природного парка Рузвельта.

Уже в сумерках я зашел поужинать в небольшой ре-

сторанчик, стилизованный под салун. С его стен на посетителей глядели головы бизонов и оленей, мрачно блестели потертые винчестеры и кольца, атрибуты Дикого запада. Кроме меня за ресторанными столиками сидели три немощных старика, потягивающих безалкогольные напитки. Заказав блюдо из мяса бизона, которое на поверку оказалось обычной телятиной, я предался фантазиям и вместо безобидных пенсионеров увидел в салуне лихих ковбоев со стаканами виски, смачно играющих в карты, и в перерывах стреляющих в потолок. Кстати, следы выстрелов видны на нем и сегодня.

Размышляя о прошлом Дикого запада, я припомнил подобные страницы и из истории нашего Дальнего Востока. От их непосредственных участников, приморских старожилов, я слышал рассказы о том, как в тридцатые годы старатели хоронили своих погибших товарищей в выдолбленных деревьях, засыпая их золотым песком. А сколько загадочных историй хранят в себе бывшие золотые разработки острова Аскольд? Все это могло бы не только стать сюжетами захватывающей книги, но и основой для туристической достопримечательности Приморья. Увы, мы еще не научились извлекать выгоду из интересного прошлого, как это делают американцы.

Местные жители искусно декорировали свои ухоженные домики. Их фасады украшали охотничьи трофеи в виде развесистых оленьих рогов, висели колеса повозок. А у дома губернатора штата Северная Дакота стояла самая настоящая старинная повозка, которая в прошлом служила единственным средством передвижения, не считая верховой лошади.

Несмотря на небольшое количество жителей — домиков в городе было не больше сотни, — я заметил три красивые церкви. Может, местные жители считают своим долгом усердно замаливать грехи прошлых оби-

Амир Хисамутдинов перед домом-музеем Чарльза Рассела, Монтана (*Charlies Russell's home, Helena, Montana*)

тателей «Плохой земли»? Конечно, это шутка, но побывавших даже в небольших американских городках поражает обилие церквей самых разных конфессий.

Продолжая путешествие по Дикому западу, мой фورد незаметно въехал в штат Монтана. Как и в Северной Дакоте, поросшие лесом холмы сменялись полями с пшеницей или кукурузой, но везде был заметен порядок. Сохраняя среднюю скорость 60-70 миль, я решил заглянуть по пути на историческое место битвы американцев с индейцами, но случайно попал в другой прекрасный музей под открытым небом, подобного которому не найдешь в нашей стране. На небольшой площади были собраны разнообразные дома, олицетворяющие прошлое: обыкновенное жилье, хозяйственные постройки, церквушку, почту и даже домик железнодорожного смотрителя. В них собраны и бережно хранятся атрибуты столетней давности. Казалось, что обитатели поселка просто на время вышли из своих жилищ, предоставив нам возможность все внимательно осмотреть. Удивило и то, что музейный комплекс был бесплатным. Правда, для желающих внести посильный вклад в дело его сохранения имелся большой прозрачный ящик наполовину заваленный однодолларовыми бумажками.

Поколесив по Биллингсу, одному из самых больших городов штата Монтана, и познакомившись с добровольцами, работающими в бюро туристической информации, я убедился, что все жители испытывают гордость за свой город и готовы завалить бесплатной пропагандой местных достопримечательностей любого, кто ими заинтересуется. Создавалось впечатление, что туризм здесь не имеет ничего общего с коммерцией. Выехав из Биллингс поздно вечером, до ближайшего мотеля, где можно было бы остановиться на ночь, я добирался уже в темноте. Ночная дорога немного взбудоражила кровь, и причиной тому по-

When Shadows Hint Death by Charles Marion Russell

служили не столько неизвестная местность и лихо мчащиеся машины, сколько дикие животные, которые, казалось, стремились покончить жизнь самоубийством под колесами автомобиля. И не только моего — в нескольких местах на асфальте дороге мне попала свежая кровь.

Остановившись на отдых в Corral Motel, сразу же отправился в ресторанчик, основным блюдом которого были бифштексы. Я заказал себе «королевский» и не прогадал — он оказался не только дешевым, но и вкусным. С давних пор в Америке борются за здоровый образ жизни, од-

Чарльз Марион Рассел

ним из элементов которого является отказ от потребления мяса, но это нисколько не мешает владельцам ресторанов готовить всякую вкуснятину и успешно продавать ее.

Следующий день путешествия по штату Монтана оказался долгим и заполненным впечатлениями. Быстро проскочив 130 миль до местечка Great Falls, удалось полюбоваться живописными водопадами, вокруг которых, как обычно в Америке, все было обустроено для удобства посетителей.

Моей давней мечтой было посетить музей известного американского художника Чарльза Мариона Рассела — он считается классиком живописного бытоописания Дикого запада. В залах музея я провел несколько незабываемых часов. Здесь меня поразила не только богатейшая экспозиция, но и необычный интерьер помещений, в котором все было продумано до мелочей: оригинальные витражи, необычные потолки, стеклянные пеналы для личных вещей художника. Рядом разместились дом Рассела и его мастерская, тщательно отреставрированные. Именно таким хотелось бы видеть дом-музей нашего знаменитого земляка, путешественника В. К. Арсеньева.

Читатель, конечно, вправе возразить: мол, богатая Америка может себе позволить содержание несчетного количества музеев. Но большинство из них обходится без поддержки государства — только на средства спонсоров. Правда, государство помогает тем, что освобождает музеи и им подобные учреждения от налогов, исходя из того, что они помогают просвещать и консолидировать общество, чем и силен американский народ. Не раз я был свидетелем того, что при звуках своего гимна, американцы застывают на месте с гордо поднятой головой, а у некоторых на глазах появляются слезы. Мы же, начав в 17-м, до сих пор продолжаем с пренебрежением разбирать по кирпичику не только старые дома, но и саму историю России.

Национальный парк

Я решил посмотреть, как в Америке решаются практические проблемы с экологией, и заглянул в один из национальных парков, достопримечательностью которого являлись глетчеры, огромные ледники, образованные еще в доисторические времена. Дорога туда виляла из стороны в сторону по горным склонам, что не давало возможность набрать приличную скорость, зато проходила через индейские резервации. Время от времени я останавливал машину, чтобы поговорить с их обитателями, и многое узнал о жизни коренных народов. Эти сведения отличались от того, что нам рассказывали в недалеком прошлом. Много интересного и поучительного можно обнаружить в индейском обустройстве, но машинально копировать эту систему, разумеется, нельзя.

С мыслями о проблемах жизни аборигенов я незаметно подъехал к цели. Как уже не раз отмечалось, американцы всегда стараются органично соединить природу и условия для отдыха. В этом-то и заключается отличие американского взгляда на окружающую среду от нашего. В российских заповедниках невозможна какая-либо деятельность человека, в Америке же подобных запретов нет, правда, здесь все подчинено четким правилам. Невозможно не то, чтобы развести костер, но даже шагнуть в сторону от рекомендованных пешеходных дорожек.

Ночь я провел в отеле на берегу озера, поросшего хвойным лесом. Дышалось удивительно легко, но поутру я сменил эту гостиницу на другую, более старую и колоритную. Осень уже покрыла обильной желтизной роскошные деревья. Куда ни кинь взгляд — всюду возвышались серые громадины скал. Кое-где у их подножья росли березы, напоминающие наши, российские. Гладь озера Смагу слива-

лась с небом и бегущими по нему облаками. Воздух был напоен пьянящим запахом сосны. Картины природы были на редкость живописными в ожидании зимы и как бы говорили: «Наслаждайся, пока не настали холода».

Парк пронизывает сеть пешеходных тропок. Воспользовавшись ими, я решил перейти с одной стороны хребта на другую. Правда, симпатичная девушка в туристическом центре при гостинице не посоветовала совершать поход в одиночку. Причина — обилие медведей. Вот что значит нарушение экологического равновесия! Из-за этого один из маршрутов, по которому я хотел пройти, был закрыт. Пришлось выбрать другой — на четыре мили длиннее.

Набрав приличную скорость, я начал взбираться вверх, время от времени оглядываясь назад. Парк парком, но медведи в нем самые настоящие и живут по своим законам. Однажды меня даже пот прошиб: принял камень с корягой за огромного гризли.

Первую остановку я сделал через три мили, уже на самой вершине. Там вовсе чувствовалось дыхание поздней осени, а порывы ветра приносили и запах снега. Петляющая тропинка по другую сторону хребта повела меня к отелю. По пути то и дело встречались туристы, которые шарахались в сторону от звука каждого падающего камня. Этот склон, местами представляющий из себя отвесные скалы, был более суровым. Здесь — то и располагались глетчеры. Но до них нужно было еще идти и идти. Кое-кто, не рассчитав силы, поворачивал обратно. Один турист, шедший впереди, пытался и меня отговорить от попытки достичь цели и предложил пойти в отель выпить, но пьянящего горного воздуха и первозданной тишины было вполне достаточно, чтобы хорошо расслабиться, и дальше я продолжил путь в одиночестве.

Вид, который простирался передо мной, был впечатляющ: скалы, по которым медленно сползали в вечность глет-

Отель в Гласьер Парк (hotel in Glacier Park)

черы, искристый водопад, дивные озера с барашками волн. Создавалось ощущение сопричастности с природой.

Вернувшись в отель, я задержался в холле выпить крепкого и горячего кофе и оглядеться. Отель оказался очень старым. Это было видно по огромным балкам, поддерживающим потолок, по двум каменным каминам, в которых потрескивали поленья. Отель был наполнен духом романтики и явился органичным продолжением моего путешествия через горы, а может, и всего предыдущего пути через Америку. Ведь от старинного здания веяло запахом эпохи, которую я изучал, принося ощущение того, что время остановилось, и я очутился в вечности. Теплота огня, тихие звуки фортепьяно создавали в душе покой и умиротворенность,

Глава V

Сиэтл — Портленд

Американская Москва, штат Айдахо

Казалось бы, что может быть общего между штатом Айдахо и Россией, оказывается, общее есть. И там, и тут имеются города Москва и Одесса, через которые я проехал по пути в Сиэтл. К этому списку можно добавить и Санкт-Петербург. Благодаря эмигрантам и их тоске по родине эти российские названия попали на американскую карту. Впрочем, и в Приморье можно видеть подобное: Москва,

Киевка, Лифляндия и прочие имена, в которых первые переселенцы увековечили память о своих родных местах.

Приятным развлечением по дороге были все те же зоны отдыха с бесплатным кофе. Честно признаться, этот атрибут американского быта стал вызывать у меня нечто вроде спортивного интереса. Увидев заветную вывеску, я быстро подруливал к ней и вкушал ароматный напиток и отмечал

про себя: «Здесь варят кофе из молотых зерен, а накануне мне предлагали дешевый сорт растворимого». Скажите, безделица. Может быть, но всегда приятно соприкоснуться с человеческой добротой. В основном, на «кофейных стоянках» работают активисты местных церквей или жители окрестных деревень, которые хотят, чтобы проезжающие обратили внимание на них. Однажды я даже заметил, что в роли доброхотов, раздающих бесплатный кофе, были морские пехотинцы из близлежащей части. За их непривычной миссией крылось желание найти добровольцев послужить во славу американского флага.

Особая тема для обсуждения — ремонт дорог. Сразу бросается в глаза, что днем редко где можно видеть дорожных рабочих и технику. В основном все работы проводятся вечером или ночью, чтобы не беспокоить проезжающих водителей. На видном месте у дороги всегда висит огромный плакат, на котором написано в какой время производятся работы и когда планируется окончание ремонта. Кстати, я ни разу не видел, чтобы латали заплатами дорожное полотно. Идет огромный самоходный агрегат, который полностью снимает старое покрытие, по русским меркам, идеальное, а затем накладывает новый асфальт. Спросите, участвуют ли женщины в подобных операциях. Да, но только в виде регулировщиков движения.

По пути мне встретилось немало и так называемых исторических мест: то ли там когда-то проходила битва американцев с индейцами, то ли проложил свой путь известный путешественник. Еще за полмили большой придорожный щит предупреждает о достопримечательности, ожидающей вас впереди, но и без того вы бы мимо не проехали. Как правило, прекрасно оформленная смотровая площадка располагается в наиболее выигрышном месте. На ней размещаются стенды с необходимыми пояснениями. Они вы-

полняются зачастую в камне и бронзе, и в их оформлении чувствуются руки профессионалов — архитекторов и художников. Что немаловажно для путешественника, рядом всего есть место для бивака и туалет с горячей и холодной водой. Правда, не всегда все идеально — порой попадаются и хулиганские надписи. Вандалы встречаются и в Америке.

Чем ближе к тихоокеанскому побережью, тем чаще и чаще стали встречаться щитовые дома — одна из реалий современной американской жизни. Стены-щиты производят на специальных домостроительных комбинатах, а собрать их воедино может любой, даже технически неграмотный человек, за считанные минуты. Архитектурно они предельно просты, безо всяких излишеств, но за непритязательным внешним видом скрывается комфортабельное, полностью оборудованное жилище, в котором предусмотрено буквально все: от холодильников и системы отопления до светильников и занавесок. Американцам очень полюбились эти дома, так как они позволяют быстро обустроить новое место жительства. Существуют десятки модификаций щитовых домов, при этом покупатель может выбирать и внутреннюю обстановку, и колер стен, покрытий, и всевозможные аксессуары интерьера, подчеркивающие индивидуальность владельца, что тоже можно отнести к американскому стилю жизни. Не так давно такие домики демонстрировались во Владивостоке на лужайке около центральной площади. Ими заинтересовались многие горожане, но далеко не всем они по карману. В Америке же щитовой дом может позволить себе самый средний американец, там он стоит в пять-семь раз дешевле, чем у нас. Что ж, верно говорят: «За морем телушка — полушка да рубль перевоз».

Дорога бежала миля за милей, набирая скорость на прямых участках. Быстрая езда завораживает: так и тянет нажать на акселератор, чтобы увеличить скорость еще

Город Такома, штат Вашингтон

больше. Лишь опасение попасться на глаза полицейскому заставляет следить за спидометром. Американцы тратят много денег на свои дороги, и это себя оправдывает. Как они шутят: Америка дала миру дороги и кока-колу.

Остановку я сделал в Такоме, где живут знакомые. В семейной обстановке провел вечер, а ночью меня разбудил телефонный звонок. Спросонья я никак не мог понять, что хочет мой собеседник. В конце концов выяснилось, что он жаждет... секса по телефону. Обескураженный моим отказом, он продолжал настаивать до тех пор, пока я не обругал его по-русски. Утром хозяйка пояснила, что номер их телефона схож с номером фирмы, которая оказывает различные интимные услуги.

После небольшой передышки в Такоме, я вновь отправился в путь. До Сиэтла уже было рукой подать, но дорога оказалась настолько запруженной автомобилями, что несколько десятков миль дались мне нелегко. В Сиэтле меня интересовала университетская библиотека, где я познакомился с заведующим ее славянским отделом господином Джорджем Х. Климом. Там хранилось немало редкостей. Джордж с гордостью показал подлинный дневник одного американца, который был во Владивостоке во время Гражданской войны. На просьбу сделать копию никаких возражений не последовало, а когда я предложил оплатить эту услугу, американец засмеялся и сказал:

— Не стоит. Когда я приеду во Владивосток, вы сделаете для меня подобное, не правда ли?

Мне было стыдно признаться, что в России с копированием архивных материалов дело обстоит куда сложнее, чем в Америке. С одной стороны, вроде бы есть все необходимое для этого: и богатые архивы, и копировальные машины, но с иностранца норовят при этом взять столько денег, якобы за уникальность, что у него глаза на лоб лезут. Во время пу-

Джордж Клим и Амир Хисамутдинов

тешества по Америке я сделал столько копий по истории русского Дальнего Востока, что они с трудом помещались в багажнике машины. Позднее они вызвали огромный интерес у российского таможенника, встречавшего меня в аэропорту: «Неужели все это везется из Америки?». Стоило же мне это богатство всего ничего — сотрудники большинства архивов и библиотек были несказанно рады, что их материалы интересуют зарубежных исследователей и были счастливы помочь в такой малости, как производство копий.

Наш с Климом разговор постоянно вертелся вокруг русских книг, которые вышли в последнее время. Американец искренне сетовал, что среди них почти нет краеведческой

литературы, которая наиболее всего ценится американскими славистами. Клим говорил и о проблемах комплектования библиотек. С разрушением Союза была уничтожена централизованная система книгообмена, существовавшая ранее между нашими странами. Теперь американские библиотекари часто сами ездят в Россию, чтобы купить здесь нужную литературу: роются в книжных магазинах или же устанавливают прямые контакты с нашими библиотеками.

В окрестностях Сиэтла размещается редакция журнала *Russian Far East Up-today* (Дальний Восток сегодня), который издает Элиза Миллер. По сути дела, это небольшой информационный листок рекламного содержания для американских бизнесменов, интересующихся нашим регионом. На меня он не произвел никакого впечатления, но, как говорят, спросом пользуется.

Здесь же я познакомился и с новым выпуском бюллетеня Центра по изучению России, который находится в Гавайском университете. Он ставит целью проинформировать читателя, где и что издавалось интересного о русском Дальнем Востоке. Здесь я нашел множество сведений, достойных внимания. К глубокому сожалению, это издание вскоре прекратило существование. С развалом Советского Союза американцы посчитали, что уже нет особой необходимости изучать нашу страну, и повсеместно урезали бюджет.

Кстати, информационные, аналитические и прочие центры США, изучающие Россию, отнюдь не богаты. Те, в которых мне удалось побывать, занимали непритязательные помещения, которые отличались скромностью обстановки и в которых было шумно от проходящих рядом поездов или другого транспорта. Но хозяева с этим смирились: зато арендная плата намного меньше. Американцы такие же люди, как и мы, им тоже приходится экономить и приспосабливаться, причем, намного чаще, чем мы привыкли думать.

Наши в Сиэтле

— Нет ли у вас того-то или того-то? — мы часто задаем этот вопрос в повседневной жизни и огорчаемся, когда слышим отрицательный ответ. Но рано или поздно необходимый товар находится. Гораздо сложнее с поисками неизвестных исторических фактов. Русская колония в Сиэтле считалась одной из наиболее многочисленных в Америке. Но, как ни странно, не сохранилось почти никаких фактов о том, как она зародилась. День за днем тратил я в безуспешных поисках журнала "Русские поля", который издавался в 30-е годы в этом городе и который мог содержать какие-нибудь сведения о первых русских эмигрантах. Библиотекари Вашингтонского университета, старейшей городской публичной библиотеки и православных храмов только разводили руками:

— К сожалению, издания нет в нашем собрании, можете в этом убедиться, просмотрев компьютерный каталог.

И все, не стовариваясь, вспоминали покойного Ивана Федоровича Ковтуновича, издателя Бюллетеня Русской колонии Сиэтла, который был настоящим кладом сведений по истории жизни русских в этом штате.

Найдя в телефонном справочнике адрес вдовы издателя, я смог договориться с ней о встрече и уже на другой день разыскал в одном из тихих переулков Сиэтла дом Ковтуновичей. Изабелла, или крещенная по православному обычаю Елена Михайловна Ковтунович, ждала меня у входа. На столе в гостиной уже были разложены большие семейные альбомы с фотографиями, и хозяйка начала рассказывать о своем муже, иногда украдкой вытирая слезы. Время еще не примирило ее с утратой.

В разгар строительного бума на Дальнем Востоке отец ее мужа Федор Ковтунович строил порт Дальний.

Амир Хисамутдинов и Изабель Ковтунович. Сиэтл.

Когда грянула война с Японией, его беременная жена Елена уехала в родное село Киселевку Черниговской губернии, вскоре следом отправился и муж. Там-то и родился Иван Федорович. Через год семью Ковтунович потянуло на Дальний Восток. На этот раз они поселилась в Харбине. Там семья пережила развал России и хаос гражданской войны, потеряв при этом хозяина. Осенью 1922 г. мать благословила Ваню, окончившего местную гимназию, уехать в Америку по студенческой визе.

«Хождение по мукам» — так называл свою жизнь в молодости Иван Ковтунович. Великая депрессия, незаслуженные обиды и многое другое было на пути молодого русского эмигранта. Все невзгоды ему помогла преодолеть любовь. С Изабелл Армстронг, родом из Шотландии, он встретился на мебельной фабрике, где они вместе работали. Несмотря на различия в языке и воспитании, они быстро решили создать семью, и 28 августа 1932 года молодых людей обвенчали в Свято-Спиридоновской церкви в Сиэтле. Их брак получился на редкость крепким.

В 1942 г. И. Ковтунович поступил на службу в военно-морской флот и стал военным переводчиком. Пока служил в Портленде, он серьезно увлекся местной церковной жизнью. С 1950 года Ковтунович как председатель общества «Ди-Пи» помогал переселяться в Сиэтл бывшим землякам-харбинцам.

Трудно преувеличить роль Ивана Ковтуновича в деле сохранения русской культуры в Сиэтле. Когда в штате Вашингтон открыли «Общество сохранения этнического наследия», он был делегирован туда русской колонией. Но целью его жизни стал выпуск «Бюллетеня русского центра», первый номер которого увидел свет в 1962 г. Ежемесячно на двух десятках страниц рассказывалось о событиях, которые происходили в русской колонии. Это издание

знакомил читателей и с прошлым русской культуры.

«Не знаю, как другим, — писал друг И. Ковтуновича Г. Кривошеин, — но мне еще не приходилось встречаться с кем-либо из работников на общественном или церковном поприще, не подвергающихся нареканиям, вражде и критике. Не миновали этой участи и сами Ковтуновичи. За годы труда они перенесли много незаслуженных обид и огорчений, но, веря в правоту своего призвания, мужественно продолжают идти по избранному пути служения богу, помощи людям и общественному делу».

Последний 280-й номер Бюллетеня вышел в июне 1994 года с портретом издателя в траурной рамке. Накануне, предчувствуя свою смерть, он написал письма всем подписчикам: «С великим прискорбием вынужден сообщить, что ввиду серьезной болезни с сожалением вынужден прекратить издание Бюллетеня на неопределенное время. С сердечной благодарностью за все!»

Мы долго сидели с Изабеллой-Еленой Михайловной в цоколе их дома, где стояла скромная множительная машина, на которой печатался Бюллетень, а в углу стопкой лежали годовые подшивки этого издания. Перебирая номера уникального собрания, она много рассказывала о своей жизни с мужем, делилась сокровенным, и вместе с ней я искренне огорчился, что этот образец русской словесности остается в Сиэтле не востребованным.

Как от занятий историей можно помять «крайслер»

Американские друзья, живущие в Такоме, предложили совершить поездку в национальный парк Рэниер. Через несколько минут позади остался город, а дорожное движение стало менее оживленным. Начался подъем в гору. Чем выше мы поднимались, тем сильнее туман окутывал живописные склоны, лишая нас возможности любоваться природой.

Окрестности горы Рэниер — особая статья экологического воспитания. Для сохранения этого уголка земли в первозданном виде хозяева местности не ограничиваются одними лишь карательными мерами, хотя штрафы тоже в ходу, но и ведут широчайшую пропаганду охраны природы через красочные буклеты, альбомы и значки. Одна листовка даже оказалась на русском языке. На фоне огромной ступни красными буквами сообщалось: «Берегитесь! Большая Нога притаилась на лугах горы Рэниер». Обратная сторона листовки поясняла: «Большая Нога может быть любого размера и формы — это нога всякого, кто сходит с проложенной тропы, топчет растительность и вызывает эрозию почвы. Научные исследования показали, что всего 15 человек, сошедших с тропы в одном и том же месте, могут нанести заметный ущерб земле и растительности лугов. А гору Рэниер каждый год посещают 1,8 миллиона людей. Мы призываем вас не быть Большой Ногой и всегда придерживаться построенных троп».

Выполнять эти правила вовсе не сложно: в парке существует разветвленная сеть тропинок, которые позволяют увидеть самые примечательные места и не нанести при этом никакого вреда природе. Помимо всевозможных листовок парк выпускает и выразительные значки «Не

топчите луга», которые можно заметить на груди у многих посетителей, не пожалевших 50 центов на пожертвование для восстановления лугов парка.

Остальные же пропагандистские материалы выдаются бесплатно, и, как мне показалось, все эти меры довольно эффективны. Правда, кое-где вдоль тропинки можно увидеть мусор, но замечал я и то, что мои знакомые или же случайные попутчики неизменно подбирали его. Я как-то решил проверить их бдительность и хотел выбросить в окно автомобиля жестянку из-под кока-колы. Видели бы вы лица моих друзей, которых при этом чуть не хватил инфаркт. Мне даже стыдно стало за мой эксперимент.

Несколько дней в Такоме позволили хорошо отдохнуть от исторических поисков, но пора было отправляться дальше. В теплый и солнечный день я попрощался с друзьями и снова сел за руль. За городом образовалась большая пробка из-за какой-то аварии, но потом она рассосалась, и я смог набрать приличную скорость, двигаясь в сторону Сан-Франциско. Лишь временами, когда громадина грузовика, несущегося со скоростью более 130 километров, нависала надо мной при резком повороте, становилось немного не по себе. Напряжение снимали зоны отдыха с бесплатным кофе. Особенно гостеприимными мне показались бравые ребята из форта Лукаса.

Дорога до Сан-Франциско не сулила особых достопримечательностей, и я собирался сделать всего лишь одну стоянку — в Портленде, чтобы посетить знаменитое Орегонское историческое общество. Как-то несколько лет назад, когда Владивосток был еще закрытым городом и визиты иностранцев оставались редкими, в Приморский филиал Географического общества СССР, ныне Общество изучения Амурского края, пришли двое симпатичных американцев. С первых минут нашей встречи мы почувствовали удивитель-

Амир Хисамутдинов на фоне горы Рэйнер, штат Вашингтон (Mount Rainer, Washington)

Амир Хисамутдинов на озеро Крейтер, штат Орегон

ное сходство взглядов и мнений, как будто знаем друг друга целую вечность. Моих гостей поразило, что на российском берегу Тихого океана вот уже вторую сотню лет действует научно-просветительское общество, где сохраняются в целостности-сохранности уникальнейшие книги и документы.

Моими собеседниками были Томас и Элизабет Воуэны из Орегонского исторического общества в Портленде. Оно было основано также в прошлом веке и в основном занима-

лось краеведческими проблемами, но с приходом в общество Воуэнов программа исследований значительно расширилась и охватила, помимо местных тем, еще и изучение исторического прошлого северо-восточной части Тихого океана. Благодаря Воуэнам в Обществе начала выходить фундаментальная серия книг, в которой были и переводы многих классических трудов русских мореплавателей. Так, еще в 1972 году они выпустили шикарно оформленный том П. Крашенинникова «Описание земли Камчатка». К сожалению, в нашей стране он не издавался уже много десятилетий.

Мы тогда провели несколько удивительных дней, влюбившись друг в друга, а вскоре мне пришло приглашение на участие в первом международном конгрессе, организованном Орегонским обществом. Их было пять, по числу столетий, в течение которых велось исследование Тихого океана. К сожалению, мой билет в Портленд, присланный американцами, оказался невостребованным. Вырваться в Америку в то время было еще не так-то легко, несмотря на начавшуюся перестройку. А вскоре и Воуэны покинули общество. Как бывает часто, с уходом энтузиастов заглохло и дело.

Я с нетерпением ждал новой встречи, на этот раз на американской земле. К сожалению, Томаса не оказалось в Портленде, зато с Элизабет мы встретились как старые друзья. Посидев в уютном доме Воуэнов, наполненном духом сопричастности к подлинной истории, мы отправились в Орегонское общество. Меня поразила в нем не только фундаментальность краеведческих коллекций, но и состояние музея штата, который входит в Общество. Переходя из зала в зал, осматривая хранилища и уютные кабинеты, я не переставал удивляться тому, как много общего между старинным Обществом изучения Амурского края во Владивостоке и его собратом в Портленде.

Мне понравился и сам Портленд, который оказался

уютным и очень зеленым городом. Прогуливаясь по его улицам, заглядывая в старые уголки, я наслаждался не только бережным отношением жителей к историческим памятникам и старым домам, но и чистотой на улицах.

На выезде из Портленда погода изменилась: по небу побежали темные тучи, стало мрачно, а вскоре по ветровому стеклу стал бить дождь. Но погода так же внезапно улучшилась, лишь блестящий асфальт напоминал о мимолетном дожде. С гор к дороге стекали ручьи, которые выглядели очень живописно. Была суббота, и в окрестностях небольших городков, мимо которых я проезжал, местные жители собирали мусор в пластиковые мешки, а затем скалывали их у дороги. Это тоже один из обычаев американцев. Суббота считается днем наведения чистоты, и хотя к этому никто никого не понуждает, каждая семья включается в уборку территории. Однажды я тоже участвовал в подобном мероприятии и был приятно удивлен отношением американцев к общественно-полезному труду. Это напомнило наши субботники, ушедшие безвозвратно. Кстати, в Америке после окончания уборки все ее участники устраивают вскладчину обед, переходящий в общее веселье.

Ночью я искал гостиницу в небольшом городке и на ходу вертел головой, осматривая улицу. Увидев подходящее место, я резко, без знака поворота перестроился, и услышал скрежет металла. Не зря опытные водители рекомендуют беречь правый бок. Именно в правую дверь моего автомобиля въехал шикарный лимузин. Я резко нажал на тормоза, испугавшись не за себя, а за другого водителя. С трудом выбрался из покореженной машины и увидел женщину средних лет. Мы обратились к друг другу с одними и теми же словами: «С вами все хорошо? Может, вызвать скорую помощь?».

Видимо, испытал чувство облегчения оттого, что оба в полном порядке, мы дружно рассмеялись. Через несколь-

ко секунд я понял, что мне-то как раз веселиться не следовало. Моя вина была налицо: у новенького «крайслера», очень дорогой машины, оказалось помятым крыло и разбиты фары, у моего же автомобиля дверца вмялась так, что ее невозможно было открыть.

Пока мы извинялись друг перед другом, нас окружили жильцы соседних домов со словами сочувствия и предложениями о помощи. Через пару минут послышалась сирена полицейской машины. Симпатичный сержант, имя которого в памяти не сохранилось, тоже начал с вопроса о помощи. Затем, правда, началась процедура оформления происшествия. Надо признать, что она несколько отличается от нашей. Полицейский по рации передал номера прав американки и после некоторого недоумения мой советский номер. Затем он долго извинялся передо мной за необходимость выписать небольшой штраф. Еще десять минут сержант выяснял, где лучше всего мне можно заменить побитую машину на другую. Он даже дозвонился до отделения фирмы, которая находилась в зоомилях от места аварии, но я решил не изменять другу, с которым проехал почти через всю Америку, и добраться до Сан-Франциско вместе с ним. Тем более, что помимо помятой дверцы других повреждений не было.

Дорожно-транспортный инцидент был исчерпан. Мы расстались друзьями и с леди, которой пришлось ремонтировать свой шикарный лимузин, скорее всего, за счет страховки, и с предельно вежливым полицейским. Забегая вперед добавлю, что побывавший в переделке "форд" оправдал мои надежды и до конца путешествия служил мне верой и правдой, хотя и вызывал удивление у всех, кто видел его помятый бок: в Америке считается верхом неприличия ездить в побитых машинах.

Глава VI
Сан-Франциско

Фортуна Галины Доценко

Несколько лет назад друзья из Гавайского университета прислали мне книгу «Борьба за демократию в Сибири», написанную известным эсером Павлом Сергеевичем Доценко. Меня поразили не только емкий и выразительный стиль повествования, но и обилие совершенно неизвестных фактов из истории гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке.

Павел Доценко с юных лет увлекался политической борьбой, за что в 1912 году, будучи 18-летним, очутился в тюрьме. Он отсидел срок при царизме, сидел и при большевиках. Будучи членом партии эсеров, проявил себя лидером в гражданской войне в Сибири, одно время был даже губернатором Енисейска и членом Сибирского правительства. С волной беженцев в 1920 году Павел Доценко оказался во Владивостоке, где участвовал в открытии Дальневосточного университета и был в нем преподавателем. Он не считал политику своим большим пристрастием: по его мнению, она должна лишь служить орудием для претворения в жизнь тех или иных замыслов, в частности, организации кооперативного движения, приверженцем и идеологом которого он был.

В своей книге «Борьба за демократию в Сибири. 1917-1920», которая считается одним из лучших изданий Гуворовского института, он беспристрастно описал все, что видел и пережил сам, подкрепив документальным материалом. После прочтения его трудов мне захотелось опубликовать хотя бы отрывок из них, на что получил разрешение дочери автора Галины Доценко. Одно научное издательство во Владивостоке согласилось его напечатать, но затем передумало. Вероятно, историки советской школы показались им более авторитетными в описании белых пятен отече-

ственной истории, чем ее очевидцы. Книга Доценко все же дошла до Владивостока: десяток томов был прислан в дар дальневосточным историкам тем же Гавайским университетом, и на конференции, посвященной гражданской войне на Дальнем Востоке, они разлетелись в один миг.

Затем была встреча в Стэнфорде, рядом с которым в городке Пало-Альто живет дочь Павла Доценко — Галина, приятная женщина, весьма общительная и, главное, с настоящей русской душой. Те несколько дней, которые я провел в ее доме, мне запомнились не только гостеприимством хозяйки, но и чувством сопричастности к памяти о Павле Сергеевиче Доценко, которая сохраняется в этих стенах. Галина много рассказывала мне и о жизни отца за границей. В Америку он попал через Харбин, где провел некоторое время, изучая влияние экономических факторов на деятельность КВЖД. Перебравшись в Америку, ему пришлось посвятить себя не теоретическим изыскам, а практической деятельности и воплотить мечту о кооперативе, которым стала его дружная семья.

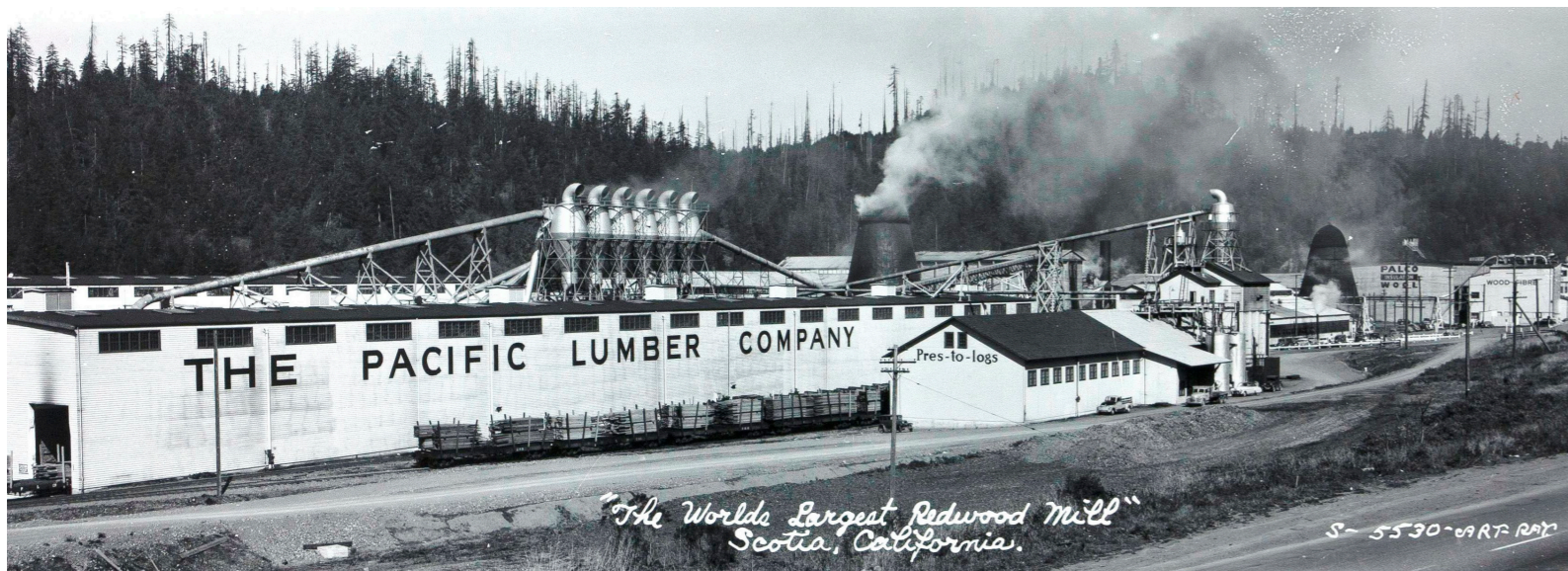
«Кооператив» Доценко занимался производством мебели по собственным эскизам — сначала в Америке, а затем в Италии, куда переехала семья. Качественная продукция находила спрос и в Европе, и в Америке, куда Доценко отправляли не только мебель своего изготовления, но и антикварную. Этим бизнесом, доказавшим правильность «кооперативной теории» П. С. Доценко, семья успешно занималась более тридцати лет.

В доме Галины я познакомился с ее собакой по имени Лапа. Раньше пес был беспризорным, но Галина взяла его из специального приюта после смерти отца в июне 1988 года. С тех пор большая черная собака живет с ней. Лапа стала для Галины Деценко верным другом и помогла скрасить одиночество.

Амир Хисамутдинов с Галиной Доценко и ее собакой Лапой. Фортуна, штат Калифорния.

Деревообрабатывающее предприятие Pacific Lumber Company, штат Калифорния

Мой путь в Сан-Франциско проходил через городок, где жила Галина Доценко. Он назывался Фортуна, и мне было интересно узнать, нашла ли она в нем свое счастье. Поменять место жительства ее заставили обстоятельства. Городок Пало-Альто оказался слишком дорогим для нее: почти все сбережения ушли на лечение Павла Сергеевича. Она писала мне об этом в письмах, которыми мы обменивались регулярно после знакомства.

Новый дом Галины Доценко в Фортуне оказался гораздо больше, чем в Пало-Альто, земельный участок тоже был обширнее, чем прежний. Дом раньше принадлежал какому-то архитектору и отличался оригинальностью конструкции. Ему повезло с новой хозяйкой, прекрасным

художником, занимающейся декоративно-прикладным искусством. Хотя дом только обжился, рука мастера уже была видна в его внутреннем убранстве, и, как мне показалось, в нем чувствовался русский дух.

Утро разбудило меня, запустив в небольшие окошки яркий солнечный свет и шум работающего бульдозера — рядом с домом расчищали участок земли. В 11:30 мы с Галиной совершили экскурсию в Pacific Lumber Co. — деревообрабатывающее предприятие, которое находится в пяти милях от городка. Бывший заводской корпус прямо у проходной был отдан во власть истории: там установили старинные паровые машины и даже изготовили «участников» производственного процесса, которые издали выглядели совсем

как настоящие. Многочисленные стенды на стенах цеха-музея рассказывали о прошлом и настоящем предприятия. Там нам вручили на память сувениры и пропуска.

Надо отдать должное создателям заводского музея: они постарались показать, что переработка леса отнюдь не наносит вреда природе. Доказательством этого, по их мнению, может служить ручей-водоем на территории завода, в котором разводится красная рыба. По дорожке, очерченной желтой линией, вместе с другими экскурсантами мы прошли мимо небольшого канала, по которому огромные стволы поступают на конвейер. Там их разделяют на множество частей: одни идут на фанеру, другие на доски, рейки и прочее. В деле используется вся древесина до последней щепки, подтверждая лозунг деревообработчиков, начертанный повсеместно на табличках: «Я люблю деревья и пиломатериалы!».

Следующее утро выдалось ясным и теплым, хотя жители Фортуны чаще жалуются на туман. Время до обеда прошло за лепкой русских пельменей и неторопливыми разговорами. Их я бы назвал лекцией о зарубежной историографии русского Дальнего Востока. Оказалось, что Галина училась у знаменитого профессора Келнера в Беркли, помощником которого был русский ученый-самородок Ланцев. Русские эмигранты-историки помогли американским коллегам лучше разобраться в истории нашей страны. В некоторых американских трудах на эту тему чувствуется взгляд выходца из России. Немало слухов ходит и о том, что некоторые именитые профессора не стеснялись ставить свои подписи под чужими рукописями.

Наши местные историки время от времени публикуют обзорные статьи об американской научной литературе о Дальнем Востоке. Взяв пяток книжек, изданных за рубежом, и прочитав предисловия к ним, они глубокомысленно рассуждают об ошибках или достоинствах

их авторов, порой меняя оценку на противоположную в зависимости от того, куда дует политический ветер. При этом они полностью игнорируют факт, что американская историческая литература о Дальнем Востоке отражает прежде всего взгляды русских эмигрантов.

Как только П. С. Доценко вернулся из Италии и ушел на отдых, друзья-эсеры посоветовали ему написать книгу воспоминаний. Он поселился в Пало-Альто, что в двух шагах от Стэнфордского университета и Гуверовского института, и стал частым посетителем библиотек и архивов. Как оказалось, написать книгу не составило большого труда, но очень много сложностей возникло при издании. Автору отказывали прежде всего на том основании, что у него нет научной степени. В конце концов возобладал здравый смысл и тот аргумент, что Павел Доценко свою книгу пережил сам и наполнил каждую страницу собственными страданиями. Труд Доценко увидел свет в Гуверовском институте, но вторая книга так и осталась в рукописи.

На прощание Галина Доценко подарила мне несколько книг из библиотеки отца.

— Пусть они помогут вам узнать то, что раньше было скрыто от советских людей, — сказала она. — Тогда вы сможете лучше понять, что пришлось пережить поколению моего отца и моим ровесникам. А может, на основании всех этих книг вы напишите свою историю гражданской войны в России? Ведь каждому поколению свойственно по-новому осмысливать факты и события прошлого.

Сан-Франциско встретил меня туманом, и Золотой мост, окутанный густой пеленой, не произвел ожидаемого впечатления. Но я приехал не за красотами и достопримечательностями: в Сан-Франциско меня ждала работа в Гуверовском институте, известном хранилище документов по истории гражданской войны и эмиграции на Дальнем Востоке.

В гостях у крепости Росс

Без преувеличения, Меккой всех русских туристов в Америке является Форт Росс — один их бывших оплотов Российско-Американской компании. Как же было, находясь в Сан-Франциско, упустить этот шанс и не познакомиться с еще одной страницей из истории пребывания русских на далеком континенте? И вот взятый напрокат автомобиль мчится по дороге, петляющей вдоль Тихоокеанского побережья. Штурманом и гидом в этой поездке стала библиотечкарь Гуверовского института и специалист по русскому книговедению Молли Моллой. Ее друзья, знающие русский язык, переделали ее имя в Малым-Мала, что полностью соответствует ее маленькому росту и худенькой фигурке. Перед поездкой Молли снабдила меня и литературой по истории бывшей русской твердыни в Америке.

Сейчас многие умиляются, вспоминая романтическую, на их взгляд, историю крепости Росс. Причины же для основания крепости и недолгая жизнь русских в ней были более чем прозаическими.

Деятельность Российско-Американской компании была целиком направлена на получение прибыли в Америке. Без усталости и пощады уничтожались морские бобры и котики, после чего оставались пустынные лежбища, порой жестоко эксплуатировалось местное население. Читая архивные материалы, порой возникает мысль о параллели — с поправкой на столетия — с завоеваниями конкистадоров.

Как только обнаружилась слабость испанского владычества в Новом Альбионе, к Калифорнии протянулась рука из Российской империи: осенью 1808 г. из Ситки на юг отправился И. А. Кусков, чиновник компании, с целью приглядеть удобное место для будущего русского поселения. Пер-

вая же попытка высадиться на берег встретила сопротивление индейцев. Ее пришлось повторить несколько раз, пока, наконец, 30 августа 1812 г. на берегу не взвился русский флаг.

Кусков обильно подмазал близлежащие индейские селения, чтобы избежать дальнейших размолвок и поиметь союзника в случае столкновения с испанцами, которые с подозрением смотрели на пришельцев. Историк компании П. Тихменев писал в 1861 г.: «Добровольное желание туземцев пользоваться соседством русских много говорило за право занятия последними берегов вблизи залива Румянцева, тем более, что испанцы, находясь с давних пор в недалеком расстоянии от этих мест, не показывали никогда желания вступить в сношения с индейцами».

И вот спустя 180 лет после того, как русские отказались от попытки расширить свои владения за счет калифорнийского уголка, мы появились в столь любимом туристами месте — Форте Росс, историческом парке штата Калифорния. Припарковав автомашину на удобной стоянке, проходим через Главные Ворота в огороженную добротным частоколом крепость. Конечно, время, пожары и землетрясения уничтожили почти все, что было построено здесь основателями, и теперь весь комплекс является хорошим примером того, как история может послужить туристскому бизнесу.

По конструкции крепость Росс была копией военных крепостей в России. По углам двора располагались башни с бойницами и пушками для встреч непрошенных гостей. Одна из них служила часовней, где в свое время жил легендарный отец Иннокентий Вениаминов. В 1906 г. землетрясение разрушило часовню, но через десять лет ее восстановили, используя часть старых бревен. Злоключения старой церкви на этом не закончились: в 1970 году пожар уничтожил ее окончательно, но энтузиасты из числа русских эмигрантов не отступили и построили церковь заново. У входа вновь заз-

вонил колокол, отлитый в Бельгии, в котором осталась часть металла от прежнего. Теперь в День Поминовения, 4 июля, музейный колокол созывает всех на службу с целью вспомнить людей, нашедших последний приют в этих местах.

Единственным сохранившимся от прежних времен домом осталась резиденция правителя крепости Росс А. Г. Ротчева, который в 1841 г. продал крепость и землю мексиканцу Саттеру за 30 тысяч пиастров. Эта продажа была вызвана не какими-то внешними причинами, а, говоря современным языком, нерентабельностью крепостного хозяйства. Живность в округе была быстро выбита, всходы пшеницы не давали хорошего урожая, обмен с хозяевами страны-испанцами не приносил ощутимой прибыли. Тот же Тихменев подвел такой итог: «Как стратегический пункт, по отдаленности своей от колонии, заселение не могло иметь также никакого значения, тем более, что и небольшой залив Бодега не мог соответствовать этой цели. Словом сказать, при таком положении дела заселение представляло собой для колоний только тяжелую обузу».

Злоключения крепости на этом не закончились. Мексиканские власти признали сделку недействительной и через четыре года передали форт Росс другому владельцу. Их сменилось немало, и каждый приспособлявал бывшую крепость для своих нужд: под лесной склад, богатое ранчо, неприятельный отель или веселый салун-трактир. Только в 1906 г. последние хозяева завещали историческое место штату Калифорния.

Выйдя из крепости на обрывистый берег, мы огляделись. Ничто уже не напоминало о прошлом, только следы археологических работ на месте бывшего православного кладбища наводили на мысль о том, что деятели легендарной компании в покое не оставлены: в их прахе роются, перенося то, что еще можно перенести, в музейные экспозиции.

Форт Росс, Сан-Франциско

Тайна «колчаковского» золота

— Я зажился на этом свете, — сказал мой собеседник, — и так долго хранил эту тайну, что хотел бы оставить все по-прежнему, но лишнее беспокойство мне ни к чему. Если будете писать, то назовите меня другим именем. Например, Иван Иванович.

Наша встреча на Фелмер-стрит произошла в небольшом уютном ресторанчике в Сан-Франциско. Мой собеседник, как столетний дуб, возвышался над столиком, время от времени доставая из старомодного портфеля ветхие документы. Только его руки выдавали волнение — было от чего. Разговор шел о «колчаковском» золоте, а Иван Иванович оказался обладателем бесценных материалов.

— За эти бумаги некоторые уже отдали свои жизни, — сказал Иван Иванович, — а сколько было готово заложить свою душу дьяволу! Как видите мне повезло. Я, наверняка, последний из очевидцев этой истории, до сих пор жив.

Я не стал допытываться, почему Иван Иванович выбрал меня в качестве поверенного своей тайны. То ли он узнал обо мне от одного из многих эмигрантов, у которых я брал интервью, то ли заметил на одном из эмигрантских собраний. Так или иначе однажды он позвонил мне и сказал:

— Вы не боитесь встретиться с бывшим жандармским офицером и поговорить о тайне, которую он не хочет забирать на тот свет? У меня два условия: Вы не называете моей фамилии, а статья может быть опубликована только после моей смерти. Не беспокойтесь, — добавил он, — это произойдет уже скоро...

Бывают случаи, когда готов отложить все, даже самые срочные дела, отменить все, даже самые нужные встречи ради нового, внезапно вспыхнувшего интереса. Нечто по-

добное испытал и я во время этого телефонного разговора.

— Где и когда? — только и смог выговорить я пересохшими от волнения губами.

Так мы и встретились. События, о которых рассказывал эмигрант начались с захвата Казани колчаковским генералом В. О. Каппелем. В кладовых местного отделения Государственного банка хранился золотой запас Российской империи. Его надо было срочно переправить в Омск, столицу белой Сибири. Транспорта не нашлось, и к банку были поданы трамваи. Один из очевидцев позднее вспоминал: «Добровольцы, как муравьи, по одиночке и группами переносят ящики с золотом из кладовых в трамвайные вагоны. Некоторые ящики с золотом были разбиты уходившими большевиками, наспех грабившими золото. Золотые пятирублевки, десяти и пятнадцатирублевки беспорядочными кучами валялись на полу кладовой близ разбитых (видимо прямо об пол) ящиков. Добровольцы подбирали с полу рассыпанные золотые монеты и несли их самому Каппелю. Тогда никому и в голову не приходило, закатившийся в сторону золотой, взять и положить себе в карман. Все несли подобранные с полу монеты к Каппелю. Каппель назначил комиссию из офицеров по приемке рассыпанных монет и разбитых ящиков. Собранные монеты пересчитывались и забивались в ящики». На речном пароходе «Фельдмаршал Суворов» в Самару ушло 650 миллионов золотом, 100 миллионов рублей кредитными бумагами и огромное количество платины и драгметаллов, уже оттуда это богатство было переправлено Верховному правителю адмиралу Колчаку.

— Впоследствии это золото сыграло злую шутку с адмиралом Колчаком, — продолжил свой рассказ бывший жандармский офицер, — и стало одной из причин его гибели. Чехи, желая выбраться побыстрее из объятай пламенем гражданской войны Сибири, выдали Верховного

правителя вместе с золотом Политическому центру в Иркутске, но об этой истории вы знаете сами.

При каждом удобном случае А. В. Колчак старался переправить золото дальше на восток, но мешали «солоньи-разбойники» — атаманы, засевшие почти во всех крупных пунктах Транссиба. Особенно удачливым был Григорий Семенов. В июле 1919 г. он перехватил в Чите два вагона с золотом и на эти деньги открыл Читинский банк, средствами которого пользовался бесконтрольно.

В конце 1919 г. часть колчаковского золота, которому впоследствии и было суждено стать яблоком раздора, дошла до Владивостока и была помещена на хранение в настроенном антибольшевистски морском училище на Светланской. С очередным витком истории, когда зыбкая власть Белых закачалась, сокровища было решено отправить подальше. Под видом ящиков с динамитом 30 января 1920 г. они были погружены на пароход «Орел», взявший курс на Японию.

«Месяц спустя, — вспоминал член экипажа, — когда пароход стоял в японском порту Цуруга, начальник училища капитан 1-го ранга М. А. Китицын позвал меня спуститься в ледник и велел сколотить обручи с одного ящика. Я приступил к работе, но внезапно крышка отскочила. Под нею оказались пожелтевшие газетные листы, сквозь которые поблескивали ряды золотых монет...»

В январе 1920 года военный агент в Токио генерал-майор Михаил Павлович Подтягин закупил на эти деньги для Омского правительства пять миллионов патронов. 22 сентября 1920 года он перечислил в Чиосен Банк еще один миллион 400 тысяч золотых рублей, предназначенные для покупки новой партии оружия.

К тому времени, когда Г. М. Семенову пришла пора уходить из Читы. Его золотой запас составлял 20 ящиков с золотыми монетами и два, поменьше, с золотыми слитками

на общую сумму один миллион 250 тысяч рублей. Понимая, что золото может легко стать добычей китайцев, начальник Дальневосточной армии Вержбицкий, входивший в состав семеновских войск, на станции Маньчжурия через своего начальника снабжения П. П. Петрова передал золото на хранение начальнику Японской миссии полковнику Исомэ.

«В декабре армии потребовались деньги из запаса, — писал 14 июня 1923 г. П. П. Петров, — я и генерал Вержбицкий несколько раз просили полковника Исомэ о возвращении золота, принятого им на временное хранение с письменным официальным обязательством выдать его по первой моей просьбе, но всякий раз полковник Исомэ уклонялся от выдачи под различными предлогами и, наконец, уехал в Маньчжурию не поставив меня в известность о судьбе золота». Правда, когда начальнику потребовалось рассчитаться с японской фирмой «Фукуда Гуми» и он передал расписку на 506 тысяч золотом, Исомэ согласился оплатить этот счет.

«Атаман Семенов, — говорилось в этом документе, — передает в распоряжение Совета Уполномоченных организаций Автономной Сибири все имеющиеся у него, как у главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины средства, в виде денег, товаров, амуниции, оружия, продовольствия и т.д., а также и все те, которые он может откуда либо получить в будущем».

Чуть позднее атаман отказался от своей подписи на этом договоре. Впрочем, Семенов нередко поступал подобным образом. Тем не менее в июле он передал все права на хранящиеся в Японии деньги некоему Куроки Синке, а сам, преследуемый кредиторами после неудачного посещения США, поселился в Нагасаки. При всяком удобном случае Г. М. Семенов старался пополнить свой тощий карман. Он писал генерал-майору И. И. Сокулинскому в апреле 1923 г.: «По совершенно официальным данным мне известно, что Вами

Колчак Александр Васильевич

вложено в Главное отделение Чиосен Банк в Сеуле 350 тыс. иен, принадлежащих мне, главнокомандующему. Поэтому я прошу Вас сделать в названный банк заявление о том, что упомянутые деньги принадлежат не Вам а мне...» Взамен Семенов предложил военному агенту 50 тысяч рублей.

В это время в круг действующих лиц включается представитель Совета уполномоченных Балакин, которого Российский посол в Токио назвал «типичным авантюристом, кои процвели на Дальнем Востоке в период гражданской войны. Балакин переехал в Токио, где сошелся с неким Су-

зуки Шюнем, который снял для него дом в пригороде.

Российское посольство стояло в стороне от этих операций: оно взаимодействовало только с Советом послов в Париже и по мере сил — из средств военного агента и посольства — оказывало помощь эвакуированным из Приморья

Бывший посол Дмитрий Абрикосов очень беспокоился ситуацией вокруг золота. «Хотя присутствие генерала Подтягина, являвшегося главным моим сотрудником, крайне облегчало работу вверенного мне посольства, но, принимая во внимание сложившуюся здесь общую обстановку и то положение, в котором мог бы быть поставлен и.д. военного агента в связи с ведущими против него в японском суде процессами, в случае признания Японией Советского правительства, я не считал себя вправе удерживать генерала Подтягина, когда он осведомил меня о своем намерении не откладывая дальше свой отъезд из Японии».

3 мая 1924 г. Подтягин, передав права на ведение дела в суде юристу, уехал навсегда в Париж. После него исполнять обязанности военного агента стал полковник Н. В. Осипов, которому было поручено, используя колчаковское золото, заняться организацией помощи русским эмигрантам, желающим покинуть Японию. Спустя год он закончил жизнь самоубийством. О том, как это произошло мне рассказал в Гонолулу его сын. Помимо этого, помощь оказывалась через местные благотворительные организации многим беженцам в Шанхае.

— Весь шум, который шел вокруг золота, не мог не привлечь одного влиятельного лица, — продолжал свой рассказ мой собеседник. — Не стоит называть его имени и беречь его память, так как он имел свой интерес в этом деле. Короче, он вытащил меня из одной дыры и, напомнив о присяге, дал поручение расследовать, кто наживается на русских деньгах. О том, как я добывал эту информа-

цию, — он кивнул на бумаги, вряд ли стоит говорить.

А пополняли кошелек уже и не русские. Куроки и Сузуки, объединив усилия по добыванию русского золота из японского банка, подали совместный иск. Разбирательство по этому делу шло долго. Были допрошены десятки свидетелей и, читая материалы суда, нельзя не признать, что он рассматривал все обстоятельства очень тщательно. 9 марта 1925 г. в Токио состоялся приговор окружного суда третьего отделения. Судьи отклонили иск Куроки Синке и Сузуки Шюня на один миллион 61 тысячу иен на основании того, что договора, заключенные Семеновым с японцами не имели силы: он действовал уже как частное лицо, не имея к этому времени никакого отношения к русской власти.

На одних судебных заседаниях японцами признавалось правоверность передачи средств, на других подчеркивалось: «... Подтягин будет лишен права распоряжения этими суммами и суммы эти будут переданы Советскому государству».

Тем не менее один суд в Кобе решил выдать искомые деньги, но при условии получения залога в триста тысяч иен и явки в суд Подтягина. Но как раз Подтягин-то и не был нужен японским авантюристам. Семеновские кредиторы наняли бывшего летчика Хейцуге, которого представили русским военным агентом. Лже-Подтягин на суде заключил с ними мировую, да так искренне, что судейские и зрители расчувствовались. Правда, когда выигравшие дело поспешили за деньгами в Спешу банк, там заподозрили неладное и вызвали полицию. Разразился громкий скандал.

Спустя пять лет, в 1932 году возникли слухи о золоте, которое было оставлено на хранение Японской военной миссии. Поговаривали, что японские власти нашли возможным возратить русским эмигрантам переданное на хранение полковнику Исоме золото, если они сумеют представить расписку полковника об этом. Председатель Совета упол-

номоченных организаций Восточной Сибири Валериан Моравский поверил японцам, утверждавшим, что действуют от имени известных генералов Тага и Минами и другого «влиятельного лица». Моравский признался им, что у него нет подлинника расписки, но она имеется у Славинского.

Эти японцы решили действовать через голову Совета уполномоченных и обратились к К. И. Славинскому, а также к генералам Петрову и Вержбицкому. 18 июля 1932 года Славинский заключил с Судзуки договор о том, что он передает вести дело в суде о 22 ящиках с золотом. В случае успеха все делилось пополам. При этом Судзуки обещался не только покрыть все расходы по делу, но и ежемесячно выплачивать Славинскому по тысяче иен.

Славинский и Судзуки были вынуждены привлечь к делу и Моравского. В Мукдене они провели совместное совещание и выработали стратегию в суде. Но японец решил действовать по своему плану, и дело не выгорело.

В этой истории было все, — продолжал Иван Иванович, — Были сговоры между адвокатами противных сторон, которые старались урвать свой кусок от российского пирога. В свою очередь японские власти хотели использовать эти деньги в объединении враждующих эмигрантских групп и преуспели в этом. В общем, кормилось очень много людей, пока не иссяк золотой ручеек. А ответы лежат здесь, — показал он на пачку документов. Это подлинные расписки тех, кто получал золото.

Иван Иванович сложил бумаги и исчез в тумане, окутавшем ночной Сан-Франциско. Факты из этих сенсационных документов, наскоро переписанные в блокнот, обрели форму очерка, но публикацию его я откладывал, вспоминая просьбу старого эмигранта. А недавно получил конверт от американского адвоката. Тот, выполняя волю покойного клиента, переслал мне его письмо с двумя словами: «Теперь можно».

«Связи» с Вероникой

Прощаясь со мной, Вероника с улыбкой сказала:

— Помните, теперь у нас с Вами установились связи...

Я заговорщически подмигнул ей и пообещал не забывать об этом никогда. А связь наша с хозяйкой русского магазина «Глобус» в Сан-Франциско Вероникой Аренс-Пулавски началась с... Хабаровского кадетского корпуса. Как только русские прочно поселились в Приамурье и Приморье, сразу же возник вопрос, где воспитывать будущих защитников родины. Кроме того, дальневосточникам хотелось наставлять своих чад уму-разуму у себя дома, а не где-то за тридевять земель. После долгих ходатайств в столице Приамурский генерал-губернатор барон А. Н. Корф 11 октября 1888 г. торжественно открыл в Хабаровске Приготовительную школу для Омского кадетского корпуса. Это учебное заведение, напоминающее сегодняшнее Суворовское училище, считалось одним из лучших на Дальнем Востоке. Наряду с военными дисциплинами и шагистикой будущих защитников отечества учили истории, естествознанию, рисованию, языкам, чистописанию, музыке, пению и танцам. Кроме высокопрофессиональных постоянных преподавателей корпуса к обучению кадетов привлекались и лекторы. В апреле 1910 г., например, в Хабаровском кадетском корпусе с лекцией «Южно-Уссурийский край. Экспедиции 1906–09 гг.» выступил штаб-капитан В. К. Арсеньев, в недалеком будущем известный путешественник-исследователь дальневосточных земель.

В корпус на семь лет обучения принимали 10–12-летних мальчиков. Предпочтение отдавалось круглым сиротам, родители которых умерли в период службы или погибли на войне. Одним из принципов царской армии была ее

аполитичность, и педагоги корпуса также проповедовали принцип «Школа вне политики». 1917 г. изменил этот порядок, но кадеты сделали выбор отнюдь не в пользу коммунистических идей. В октябре 1920 г. кадетский корпус покинул Хабаровск и переехал во Владивосток, где разместился в крепостных казармах Русского острова.

Время Гражданской войны было самым трудным в истории этого учебного заведения. Чуть повзрослев, юные кадеты брали в руки оружие и вставали на место погибших родителей. Многие из них были награждены орденами Святого Георгия, а некоторые и нашли могилу на поле битвы.

В 1922 г., когда Гражданская война шла к развязке, для кадетов наступил день прощания с родиной. Вот как описал его один из молодых людей: «24 октября отметили храмовый праздник Корпуса молебном под открытым небом. Праздник был грустным, с нетерпением ждали обещанных спасательных кораблей. На берегу среди кадет и персонала Корпуса находились раненые кадеты, которые участвовали в последних сражениях, спасая положение вместе с юнкерами, которые тоже были с нами.

Отнюдь не цветами встретил Шанхай юных эмигрантов. Помыкавшись впроголодь по чужим углам, наставники Хабаровского кадетского корпуса решили перевезти учебное заведение в Югославию, где к тому времени уже собралось несколько русских военных учебных заведений.

Все эти сведения удалось обнаружить в книге «Хабаровский графа Муравьева-Амурского кадетский корпус. 1888–1978», которую мне подарил американский профессор Джон Стефан. На последней странице книги стояла эмблема «"Глобус" — Русское национальное издательство и типография». Заинтересовавшись, стал искать другие книги этого издательства, и на меня обрушился целый пласт фактов, не известных в России. Из книги Е. Красноусова «Шанхайский

Вероника Аренс-Пулавски и Амир Хисамутдинов

Русский Полк. 1927–1945» я узнал, что стало с теми, кто покинул Владивосток в октябре 1922 г. Трогательные и трепетные воспоминания Е. Рачинской о Харбине и русских харбинцах содержались в ее книге «Перелетные птицы».

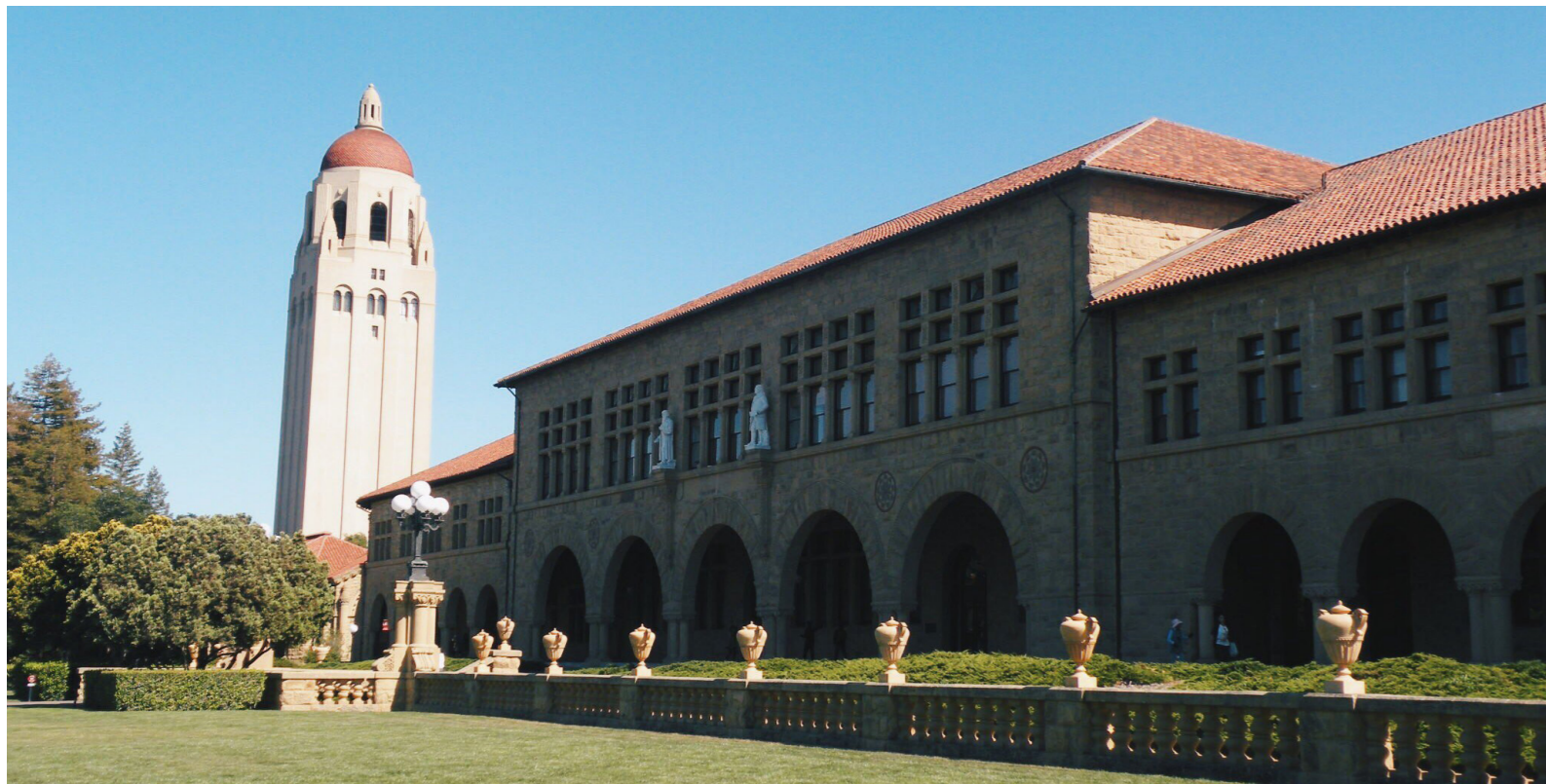
На просьбу организовать посещение издательства «Глобус» знаток русской эмигрантской литературы Патриция Полански сказала чисто по-американски: «Ноу проблем»,

а через некоторое время мы уже стояли у входа в одноименный книжный магазин. На мелодичную трель дверного колокольчика вышла миловидная хозяйка и дружески обнялась с моей спутницей. Оказывается, П. Полански является постоянным клиентом этого магазина, отбирая здесь литературу для своей коллекции русских книг, изданных в Китае, которая, кстати, считается лучшей в Америке. Так мы познакомились с Вероникой, и вскоре я стал приходить к ней на правах старого друга, чтобы обсудить проблемы книжной торговли в США и России, поспорить о недостатках и достоинствах эмигрантской литературы.

Магазин Вероники напоминает антикварную книжную лавку, которые когда-то существовали на старых улицах Петербурга, откуда она родом. Кроме «Глобуса» в Сан-Франциско имеется еще несколько магазинов русской книги, но в них явно витает коммерческий дух, замешанный на матрешках типа «А ля Горби». Магазин же Вероники переполнен первоклассной русской литературой, какой не увидишь и в России. Но настоящее открытие ожидало в подсобке, где после смерти бывшего хозяина издательства и книжного магазина Владимира Азара до сих пор хранятся не разобранными и пачки книг, и типографская машина, на которой эти книги печатались.

Вероника разрешила порыться в этом богатстве, сказав: — Я понимаю, что у вас нет денег, но вы можете взять отсюда столько книг, сколько унесете.

Она ушла, оставив меня одного, и я перестал замечать время. Разглядывая цинковые матрицы с набором, перебирая книги русских авторов, роюсь в пыльном архиве закрытого в 1984 г. издательства, в котором до сих пор лежат непрочитанные рукописи, я думал: дождутся ли они своих издателя и читателя, будут ли востребованы эти залежи русской словесности в далеком американском городе.

Гуверовский институт Стэнфордского университета

В Гуверовском архиве

Еще не так давно Гуверовский архив войны и мира для советских людей, интересующихся историей был символом мракобесия и оголтелого антикоммунизма. Но, как ни

парадоксально, всякий уважающий себя историк мечтал поработать в уникальном архиве. Правда, мало кому это удавалось, не считая дипломатов и тех ученых, которые имели отношение к компетентным органам.

Какова же история всемирно известного архива? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно вспомнить годы после

окончания первой мировой войны. Тогда многих людей мучил вопрос, кто же виноват в разыгравшейся всемирной бойне, и ученые задались целью собрать материалы об этой трагедии человечества. Руководитель Американской администрации помощи европейским странам, пострадавшим в мировой войне, и будущий 31-й президент США Герберт Гувер выделил в 1919 г. 50 тысяч долларов для основания военной библиотеки при Стэнфордском университете. Таким образом было положено начало будущему замечательному собранию документов, а одно из первых его поступлений пришло из Красной России, где Гувер занимался оказанием помощи голодающим районам. Он побывал и на Дальнем Востоке.

Тогда же возникла мысль организовать при библиотеке институт изучения русской революции. Участвовавший в ее программе профессор Гарольд Фишер говорил: «Лишь через сто лет историки начнут разбираться в том, почему революция приняла те, а не иные формы. Мы, современники, слишком субъективно переживали явления мировой войны и русской революции. Для того, чтобы проанализировать их, нам недостает ни беспристрастности, ни фактического материала, ни исторического кругозора. Но вот в чем состоит наша задача: мы должны сохранить для историков будущего весь относящийся к русской революции материал. Их задачей будет сделать на основании имеющихся документов соответствующие выводы».

Вокруг института образовался кружок российских эмигрантов, занимавшихся историей. Они стали готовить к публикации серию мемуаров о гражданской войне и большевизме. Помогали им также русские библиотекари, которые работали в институте, прежде всего бывшая смолянка Е. Варнек, свободно владевшая многими европейскими языками. Она же занималась переводами ру-

кописей на английский язык и подготовкой к изданию. В архиве хранится множество страниц, исписанных ее мелким почерком, — они еще ждут своего издателя.

Там же в Стэнфорде, мне посчастливилось встретиться и с другими женщинами, работавшими в Гуверовской библиотеке: Г. Доценко, З. Бринер и другими — они многое рассказали о жизни той далекой поры. Библиотека была отнюдь небогатой организацией и едва сводила концы с концами. Директор института, собирая сотрудников, на годовичное собрание, всякий раз говорил: «Год закончили хорошо и, слава Богу, никого не уволим».

Сегодня Гуверовский институт войны и мира совершенно иной, другие задачи стоят и перед его сотрудниками. Еще в 1941 г., в разгар второй мировой войны, основатель института провозгласил лозунг «Движение к миру». С этой целью в институте развернута сеть программ: национальная экономика, гуманитарные ресурсы, роль и влияние правительства, социальная и политическая философия и многие другие. Высокий профессионализм отличает его сотрудников. Здесь числятся известные политические деятели, нобелевские лауреаты и выдающиеся ученые.

Откуда же Гуверовский институт берет деньги? В первую очередь из казны штата или федеральных властей. Эти деньги расходуются на научные проекты. В Америке иная система финансирования: здесь платят за конкретную работу. Немалую роль играют добровольные пожертвования богатых американцев. Гуверовский институт имеет целую систему меценатства.

В музее Русской культуры в Сан-Франциско

Осколки Российской империи разлетелись по всему свету. Каждый, покидая родину, захватил с собой частичку своего прошлого, и, когда боль от потерь немного поутихла, русские эмигранты, в том числе и в Америке, задумались о том, как лучше сохранить память об утерянной России.

Те, кто был настроен серьезно, собрались в военные союзы. Другие же, устав от крови, обратили свои взоры к русским корням в Америке — к истории Российско-Американской компании. Так, в середине тридцатых годов в Сан-Франциско возникло Русское историческое общество.

Первым делом его учредители привели в порядок крепость Росс и занялись очерком ее истории. Вскоре он вышел в первом томе Записок Общества. Известный писатель русского зарубежья Г. Гребенщиков писал: «Ваши Записки делают вам честь, и я восхищен вашей энергией. Нужно только ставить дело не журнально, а именно научно-исторически. Данные к этому имеются и силы найдутся. Со своей стороны, я накапливаю для Исторического архива большой материал. Все будет собрано и сдано вам, когда у вас будет место».

Вторая мировая война отодвинула планы Русского исторического общества, а с ее окончанием со всей неприглядностью встала истина: сталинская Россия устояла, и нет никаких шансов вернуться на родину. Тогда-то эмигранты и решили собрать в одном месте все документы и реликвии, вывезенные из дома. Тем более, что неизбежные потери ставили перед вопросом: «Как лучше распорядиться наследством?». Кто-то предложил основать Музей Русской культуры, и эта идея всем понравилась. В него решили включить и то, что еще оставалось от Русского исторического общества.

Здание с надписью на фасаде «Русский центр» виден издали на улице Саттера — не тот ли это невезучий владелец крепости Росс, которому продали ее русские в 1841 году? Поднявшись по старой лестнице, попадаем в небольшую прихожую. Из нее одна дверь ведет в музей, другая — в библиотеку, а третья — в мансарду, где располагается архив музея. Теперь это царство детей русских эмигрантов, покинувших родину, как принято называть, в первую волну.

На первый взгляд музей не вызывает восторга, потому что бросается в глаза чисто любительский подход к созданию экспозиции. Так оно и есть: музей содержится на средства активистов, как они называют себя по-американски, волонтеров. Но приглядевшись к экспонатам, прочитав надписи к ним, ты чувствуешь тепло сердец тех, кто не перестал считать себя русским, проведя десятилетия на чужбине.

Все экспонаты этого необычного музея несут на себя отпечаток индивидуальности их бывших владельцев — героев Белой гвардии и людей, примкнувших к ней в печальном исходе из России. Многочисленные стенды с подлинными документами и семейными реликвиями отражают трагедию русского народа и рассказывают об истории России, за исключением, конечно же, тех десятилетий, что следуют за 1917 годом. Музей провожает посетителей большой вывеской-реликтом, висевшей в свое время на фасаде консульства Российской империи в Сан-Франциско.

Библиотека, в которой мне посчастливилось провести много часов, насчитывает свыше семи тысяч томов, изданных за рубежом. Прежде чем я получил разрешение поработать там, пришлось пройти настоящее испытание. На первую просьбу ответили отказом: «В музее идет ремонт, и посетители не допускаются ни в одно из его помещений». Действительно, недавнее крупное землетрясение заставило волонтеров заняться укреплением книжных стеллажей,

но это неожиданное препятствие лишь придало мне дополнительную решимость в стремлении хотя бы прикоснуться к уникальному собранию. Как знать, будет ли у меня другой случай познакомиться с ним? Поэтому я рискнул предложить свои услуги в качестве добровольного помощника. На это никаких возражений не последовало, и через несколько минут, облаченный в рабочую одежду и с молотком в руках, я окунулся в богатейший мир прошлого.

Главное место в архиве Русского музея занимают рукописи и письма таких известных эмигрантов как Андреев, Бальмонт, Бунин, Ремезов, Куприн и Толстой, а также деятелей белого движения. Много места занимают и архивные собрания различных организаций, переданные в музей после смерти владельцев: Высшего монархического союза, Русского студенческого общества, Ассоциации русских рабочих, Общества защиты русских детей, Объединения русских шоферов, Общества юристов и прочих эмигрантских союзов.

Все это бесценное собрание держится на энтузиазме горстки людей, которые все свободное время бескорыстно отдают сохранению старых документов. Дай Бог им здоровья, оно требуется этим людям весьма преклонного возраста. Прощаясь со мной мой «куратор по строительным делам» Юрий Тарала, сын уссурийского казака, спросил:

— Как вы думаете, не пора ли нам отправить этот архив домой, на родину?

По духовному завещанию владельцев Музея все его богатства должны вернуться в Россию при условии падения коммунистического режима, и, по мнению некоторых, этот момент уже настал. Должно быть, я сильно удивил Таралу, когда предложил повременить с отправкой архива и подержать его еще какое-то время в Америке. Жаль, но наша многострадальная страна еще не может дать гарантии, что все накопленное эмигрантами, сохранится для потомков.

Амир Хисамутдинов в книжном магазине, Сан-Франциско

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ХИСАМУТДИНОВ АМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ
РУССКИЙ ИСТОРИК В АМЕРИКЕ

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР: Ю.К. КРАСНОВА
КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА: Ю.К. КРАСНОВА

Подписано в печать 31.05.2017. Бумага офсетная.
Формат 70*100^{1/32}. Гарнитура Constantia. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 2, 19. Уч.-изд. л 1.1. Тираж 2 экз.

ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»
690950, г. Владивосток, ул. Суханова, 8. Электронное издание

Отпечатано на базе Школы гуманитарных наук
ДВФУ (Humaniora Print)
690922, г. Владивосток о. Русский, ип Аякс, кампус ДВФУ, корпус F, ауд. F428.

